

S.E.C.T.O.R.

A man in tactical gear, including a leather jacket, camouflage pants, and knee pads, walks towards the viewer down a dirt path in a post-apocalyptic city. The sun is low on the horizon, casting a warm orange glow. In the background, there are dilapidated buildings, bare trees, and a rusted-out car with a license plate that reads "BO 725". A metal barricade is in the foreground on the right.

Андрей ЛЕВИЦКИЙ
Виктор ГЛУМОВ
Антон КРАВИН

ТЕМНЫЕ ТРОПЫ

S.E.C.T.O.R.

Андрей Левицкий

Тёмные тропы

«Автор»

2012

Левицкий А. Ю.

Тёмные тропы / А. Ю. Левицкий — «Автор»,
2012 — (S.E.C.T.O.R.)

ISBN 978-5-271-45577-3

Глубь – центр Сектора, его темное опасное Сердце. В странное место привела Глубь Данилу Астрахана и его спутников. В этом месте искажены физические законы, здесь живут кровожадные твари и еще более кровожадные люди... или не люди? Что это – испытательный военный полигон, иной мир, новый Сектор или нечто совсем другое? И что за ВЗГЛЯД, который герои непрерывно ощущают здесь? Кто-то – или что-то! – наблюдает за ними... Таинственный враждебный ХОЗЯИН, который не желает раскрывать перед чужаками невероятную тайну этих удивительных территорий.

ISBN 978-5-271-45577-3

© Левицкий А. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Левицкий, Виктор Глумов, Антон Кравин

Тёмные тропы

Часть первая

Глава 1

Близились ночь. Глубь закрылась и больше никого не подпускала к себе. Там остался отец, остались Шейх с Мариной – и желание проникнуть следом, разобраться в тайне унесшего их черного смерча, раскрыть загадку Глуби и самого Сектора не оставляло Данилу ни на секунду.

Прянин суегился и причитал, что ночью в Секторе опасно, надо искать убежище понадежней, но Данила решил хоть немного разобраться, что происходит. Например, куда делось тело Моменты, который умер у него на руках? Пришлось, преодолевая головокружение и шум в ушах, обыскивать все комнаты НИИ. Трупы Кондрата и невысокого кудрявого противника из отряда Шейха остались на месте, Момент же словно растворился. Ни в помещении, ни на улице его не было. Неужели он стал зомби и шарахается по Сектору, тараща затяннутые белесой пленкой глаза?

Раненый, обессиленный, Данила привалился к стене НИИ и зажмурился. Ему казалось, что еще движение, и он сдохнет от усталости или его разорвет от бессильной злости. В здании зашаркал Прянин, скрипнули дверные петли. Тихий голос Доцента взорвался в голове гранатой:

– У нас мало оружия. Настоятельно рекомендую уходить отсюда и искать убежище. Здесь пахнет кровью, и оставаться небезопасно. К тому же вы ранены, вон, все кровью испачкались.

Данила с закрытыми глазами переждал приступ головной боли, зыркнул на Прянина и проговорил:

– Мне надо за Мариной.

По левую руку от Прянина стоял бесшумно подкравшийся Маугли – странный мальчишка, скорее порождение Сектора, чем человек. Астрахан вложил во взгляд всю свою злость, надеясь, что Прянин заткнется и отстанет, но тот вытянулся, будто по стойке «смирно», и продолжил:

– Я понимаю, вам хочется проникнуть в Глубь. Но во-первых, в нынешнем вашем состоянии это невозможно, во-вторых... пока это невозможно в принципе. Взываю к вашему рассудку! У вас контузия, к тому же вы потеряли много крови.

Каждый звук причинял боль, и первым желанием Данилы было заткнуть Доцента ударом в нос. Сжав кулак, Данила долбанул по стене НИИ. На Прянина и Маугли он не смотрел, лишь представлял, как они переглядываются.

От удара полегчало, и Данила мысленно согласился с Пряниным: сейчас главная задача – выжить, набраться сил. Через день-два, может, и найдется решение, как проникнуть в Глубь и помочь Марине. Сейчас же Астрахан напоминал себе медведя, кидающегося на бочку с гвоздями: чем сильнее гвозди ранят зверя, тем больше он свирепеет.

– Верно, Доцент. У вас есть на примете убежище?

Прянин пожал плечами и глянул на Маугли, который топтался рядом. Мальчишка оживился и выдал:

– Маугли знает. Идем за мной.

Мир перед глазами шелестел и кружился – Данила не смотрел по сторонам, сосредоточился на лопатках идущего впереди Маугли.

Мальчишка то и дело замирал, вертел головой, потом шел быстрее. Когда он в очередной раз замер, Данила, движущийся на автопилоте, чуть не налетел на него.

– Пушанчики, – проговорил Маугли. – Близко. Идут на кровь. Если найдут, нам смерть.

Данила предположил, что Маугли имел в виду вывиглоток, но уточнять не стал, подумал только, что нужно смыть кровь.

Вскоре обнаружился ручей, Астрахан разделся по пояс, ступил на желтый песок и принялся тереть кожу, но кровь отмываться не желала. Зато от усердия открылась рана на груди. Данила чертыхнулся. Подбежал Маугли, осмотрел ее и проговорил:

– Маугли знает, как помочь.

Издав короткий вскрик, он исчез в зарослях и вернулся с пучком буроватой травы. Помял ее – завоняло уксусом.

– Сбить запах крови, завтра вылечим!

Маугли абориген, ему лучше известно, что тут почем. Данила взял у него из рук растение и принялся натираться, морщась: воняло одновременно уксусом и травяными клопами. Если его не убьет вонь, от которой голова разболелась с удвоенной силой, то будем считать, что вывиглоток можно не бояться.

По мере того как сгущалась тьма, усиливалась тревога. Глубь теперь виделась черным сердцем паутины, где трепыхаются три жертвы. Опасность добавляли увязавшиеся за отрядом твари; что это за существа, Астрахан разглядеть не мог – просто не успевал. Ветра не было, и бурая трава не шевелилась, но Данила то и дело различал движение. Каждый раз, оборачиваясь, он видел лишь трепещущие колоски. Иногда ему казалось, что в траве мелькают длинные серебристые тела, отблескивающие металлом.

– Там кто-то есть? – не удержался Прянин, шедший позади Данилы.

Маугли кивнул и добавил:

– Слепыши. Пока совсем не стемнеет, они не нападут.

– Что это за зверь? – поинтересовался Прянин.

– Не знаю. Я не подходил к ним, никто не подходил, они прячутся.

Данила изо всех сил цеплялся за нить диалога, чтобы не упасть от утомления. Воображение рисовало тварей, отдаленно напоминающих гиен. Твари предвкушали, когда раненая жертва упадет: алчно сверкали бусинами глаз, пускали тягучую слюну, на их блестящей чешуе ржавчиной темнели пятна, как у чупакабр, Маугли, щенков Эльзы...

Местность слилась во вращающуюся буро-серую массу, в которой хрустел под ногами серебристый лишайник и маяком мелькала спина Маугли. Наконец мальчишка остановился и указал на трансформаторную будку.

Всю «начинку» из домика вынесли, но двери остались. Астрахан надеялся, что хамелеоны, чупакабры и таинственные слепыши сюда не пролезут. Голова болела немилосердно. Данила растянулся на бетонном полу, ощущая, как холод ознобом проникает в тело. В Глубь он собрался прорываться! Без оружия, с Доцентом и мальчишкой, да еще и раненый. Воин, что и говорить. Супермен...

Прянин отослал Маугли за ветками, а когда мальчишка вернулся – развел костер. Огненные блики заплясали в трансформаторной будке, потянуло гарью. Маугли снова исчез в сгущающейся ночи.

– Так что, Данила, – в мерцании пламени лицо Доцента казалось совсем старым. – Каков наш план?

– Выжить – вот и весь наш план. Я, понятно, хочу в Глубь. Но как туда попасть – не представляю. А вы?

– Столько прошли – давайте уже на «ты» перейдем? – улыбнулся Прянин.

– Да, Доцент, пора бы. Так что ты делать собираешься? Вернешься к своим ихтиандрам?

– Боюсь, друг мой, это нереально. Я их предал, они меня не простят. Я бы, если не возражаешь, пошел бы с тобой в Глубь. Вряд ли там что-то по моему профилю, но любопытство, Данила, любопытство! Чего не сделаешь, чтобы его насытить...

Вернулся мальчишка. На плече он нес заостренную палку, а левой рукой волочил за хвост дохлую чупакабру.

– Это что? – опешил Прянин.

Мальчишка бросил на землю чупакабру и палку и выплюнул что-то в ладонь, а потом пробормотал:

– Есть. Мазать.

Он подсел к Даниле и принялся мазать его рану пережеванной кашицей. Горько пахло раздавленной травой, щипало, и боль стала уходить.

– Есть, – мальчишка ткнул пальцем в чупакабру, – еда.

Данила отцепил от пояса нож и бросил Маугли. Мальчишка поймал оружие за рукоять и потянулся за чупакаброй.

– Да вы что?! – возмутился Прянин. – Это совершенно невозможно и абсолютно несъедобно!

– Предложи чего получше. Нам силы нужны, а припасов – никаких. Маугли знает, что делает. Вот хамелеоном я закусывать не стал бы, а чупакабра – почти как крыса. Ну, или собака, с какой стороны посмотреть...

С какой стороны ни смотри, а воняла жарящаяся чупакабра преотвратно. Жесткое и сизое, ее мясо оказалось сухим и сладко-горьким, но Данила, в отличие от позеленевшего от одного вида разделанной тушки Прянина, заставил себя поужинать. Порезы уже почти не дергали – снадобье Маугли помогло.

– Ладно, – сказал Астрахан, с отвращением откладывая обглоданную лапку и вытирая руки о штаны, – давайте, в самом деле, решать, что нам делать дальше. У всех есть два пути: или вернуться к своим делам, или идти в Глубь. Я попробую попасть в Глубь. У меня там, знаете ли, отец, девушка и старый враг.

– Я уже говорил, – Прянин старательно отворачивался от чупакабры, – что пойду в Глубь.

– В Серф-фе, – Маугли говорил с набитым ртом. – Пойду в Серф-фце.

Мальчишка – это хорошо. Абориген в экспедиции – первое дело, особенно учитывая то, что проводника отряд Данилы потерял, а Марину забрал отец. Вот Доцент, конечно, обуза: ничего толком не умеет, да еще и в еде привередлив.

После ужина в голове Данилы посветлело, и, борясь со сном, он сказал:

– Наши цели совпадают, но как мы туда попадем, когда Глубь захлопнулась? Даже, вон, Маугли туда не ходок.

Прянин пошевелил бровями, откашлялся и заговорил:

– По Сектору ходят слухи о Картографе. Данила, наверное, их не слышал, а ты, Маугли, – и подавно. Но истории рассказывают по всему Сектору, каждый проводник знает свою версию...

Рассказывали, что где-то живет такой человек, Картограф, для которого Сектор – дом родной. Якобы не трогали его ни хамелеоны, ни звери, да и люди тоже не трогали. У него можно было купить карту (Прянин сам видел несколько таких карт, сделанных непрофессионально, но крайне детально и аккуратно, а главное – достоверно), а можно было получить информацию о тайных тропах. Существует Картограф на самом деле или нет, никто точно сказать не мог: карты, виденные Пряниным, сменили не одного владельца, и каждый следующий платил за них все дороже...

– Так вот, – подытожил Прянин, – я исследовал этот фольклор, сравнил версии легенд и пришел к выводу, что Картограф существует на самом деле. И даже могу предположить, где он живет.

– И чем нам поможет Картограф?

– Как? Данила, ты что, не слушал? Картограф укажет нам другой путь в Глубь. Если этот путь существует – его знает Картограф. По-твоему, что такое та же «бродила»? Скорее всего, это какая-то складка пространства, и Картограф умеет сокращать расстояния, двигаясь по таким складкам, то есть по тайным тропам.

– И откуда он взялся, твой Картограф? Мутировал, как наш юный друг?

Маугли, сидящий на корточках возле потухшего костра, на его слова не отреагировал.

– Никому это доподлинно не известно. Говорят, Картограф этого лишнего не скажет, хотя очень разговорчив... Не знаю, что это значит, но так говорят. Может, он нашел редкий и очень сильный сувенир или что-то еще... Или дар у него, свойство какое-то, как у Марины вашей. Видел, она в Глубь пошла, будто домой.

– Угу...

Данила улегся поудобнее, изо всех сил пытаясь не заснуть. Сейчас Глубь и заботы о завтрашнем дне отошли на второй план, и осталось одно желание – вырубиться. Его не разбудит ни взорвавшаяся неподалеку бомба, ни вырвиглазки. Даже если начнут отгрызать его ногу...

А Доцент все продолжал вещать:

– Я предполагаю, что живет Картограф за Талдом. Это, конечно, далеко, а мы без оружия и припасов, так что шансов у нас, грубо говоря, мало...

– Шансы есть всегда, Доцент. Давай подумаем об этом завтра?

– Как скажешь.

Голос Доцента доносился будто из длинного тоннеля. Прежде чем вырубиться, Данила выдал из себя:

– Доцент, дежуришь первым.

* * *

Проснулся он посреди ночи. Открыл правый глаз. Прянин дрых, у его ног свернулся калачиком Маугли. Странно, но усталость как рукой сняло, будто и не было раны и контузии, и обновленное тело требовало разминки, движения, действия. Бесшумно поднявшись, Данила выскользнул из трансформаторной будки, тщательно прикрыв за собой дверь, – внутри было нечем дышать.

Ночного Сектора Астрахан опасался и далеко отходить не стал. Сейчас в округе было спокойно – после того, как Глубь захлопнулась, Сектор изменился: ночью его порождения предпочитали держаться подальше от Сердца. Правда, в трех метрах левее – «тлен», но если туда не лезть – и бояться нечего.

А любопытно получается. Это что же, Данила начал чувствовать искажения?

Он решил проверить.

Как это делал Момент? Особых ритуалов Данила не помнил, Гешка просто топал вперед и предупреждал: здесь – то, здесь – сё. Что у нас в округе, кроме «тлена»? Что-то неясное ощущается за главным корпусом НИИ, но отсюда не поймешь.

Можно подобраться поближе, только вот спящих оставлять... А, ладно, ничего с ними не будет. От зверей поможет закрытая дверь, искажения Данила чувствует, а Маугли – и подавно. И вообще мальчишка наверняка спит вполглаза. Проверить же новообретенные способности тянуло с жуткой силой, и Данила пошел сам с собой на компромисс: к НИИ решил не ходить, а исследовать окрестности трансформаторной будки.

По черному, с багровым отливом, небу проходили сполохи Московского Сияния, и все окружающее казалось призрачным. Птиц здесь не было – откуда взяться птицам в самом сердце Сектора?

Шторм, затянувший Марину и отца с Шейхом в воронку, будто что-то изменил в Секторе, и обитатели его прислушивались к окружающему миру. Настороженно, как и сам Данила.

Он тряхнул головой, отгоняя дурные мысли. Тоже мне, экстрасенс выискался! Паранормальных академий академик Данила Тарасович Астрахан... Данила обошел вокруг трансформаторной будки, но ничего интересного не нашел. Искажения на территории НИИ, конечно, были, но все – далековато. Например, в окрестном лесу (Данила приблизился к его границе) спряталась «бродила», оно же – нарушение чувства пространства, выражаясь казенным языком путевода по Сектору авторства МАС. Штука неприятная, это Данила по прошлому опыту помнил. Ходишь себе кругами и сам того не знаешь...

В лесу пробудилась и зашевелилась лоза. Данила постоял немного, сунув руки в карманы. В голове еще немного гудело – последствия контузии, и нахлынувшая было обманчивая резвость уступила место чугунной усталости.

Что, интересно, произошло с Моментом? Если бы его сожрали звери – остались бы хотя бы кости. Хренозавр, правда, мог целиком уволочь, но, во-первых, он, вроде, не падальщик, а во-вторых, не пролез бы хренозавр в здание института.

Мертвый человек никому не нужен. Если только... Данила вспомнил Ромку Чуба, якобы погибшего у самой Глуби, а потом вернувшегося. Ромка стал хамелеоном, это при помощи подручных средств выяснили сектанты города Дубна. Сам Чуб про свою природу и не подозревал.

Неужели и воскресший Момент бродит по Сектору, ищет Данилу или идет к Москве, не зная, что он уже не человек? Пустые размышления. Будет проблема – будем разбираться. А сейчас пора вернуться к месту ночлега, забаррикадироваться изнутри и попробовать отдохнуть, пока Сектор тих. Завтра пробираться – без оружия, зато с Доцентом под мышкой...

Кстати, об оружии. Данила раньше не сообразил, а вот сейчас до него дошло: в НИИ должно что-то остаться после перестрелки. Утром, когда рассветет, надо поискать. Даже пистолет в таком деле – хороший помощник, без него – как голышом.

Астрахан развернулся, чтобы идти к своим.

Впереди возникло бродячее искажение – далекое и для него неопасное. Кто-то влип в «зануду» и теперь страдает острым депрессивным психозом...

Стоп! Кто-то? А кто?

Все свои дома сидят, а друзья ночью не ходят. Можно, конечно, предположить, что влип один из соплеменников Маугли, но это вряд ли. Данила прислушался. Бесшумных засад не бывает, и подкрадываться беззвучно тоже никто не умеет.

Так, на самой границе слышимости – голос. Попавший в «депрессун» бедолага стелает, жалуется... Оп-па, заткнули его. Вряд ли он сам замолчал. Значит, к НИИ идут, и идут отрядом.

Шейх отпадает – он вместе с папаней и Мариной в Глуби.

Кто у нас остается? Заблудившийся патруль МАС и проводники – тоже отпадают. Ночью здравомыслящий человек по Сектору не ходит, а проводник, сюда добравшийся, «депрессун» учует издалека.

Значит, в гости пожаловали обитатели славного и гостеприимного города Дубна.

И чего их нелегкая ночью к НИИ понесла?

В любом случае, встречать гостей невооруженным Данила не хотел. Он рысью вернулся к своим, распахнул натужно скрипнувшую железную дверь (Маугли тут же сел и схватился за копы) и прошипел:

– Подъем!

– Что случилось, Данила? – пробормотал Прянин, близоруко щурясь.

Костер догорел, только угли тлели, освещая помещение багряно-красным.

– Сюда идут. Отходим в НИИ, он где-то в полутора километрах отсюда.

– Не разумнее ли будет закрыться здесь и затаиться?

– Не разумней. У нас из оружия – нож и палка. Мне бы раньше сообразить, но контузия...

В общем, в НИИ должно остаться оружие. Быстро встали и пошли!

Маугли уже затапывал угли, и Данила чуть не пинками погнал Прянина к НИИ. Доцент, растерянный со сна, реагировал вяло и постоянно спотыкался.

Данила, шипя сквозь зубы, впихнул его во входную дверь НИИ.

Изнутри Институт освещали отблески Московского сияния. Данила, Маугли и Прянин вошли в главный вход, поднялись на третий этаж и принялись прочесывать здание. Судя по слабому запаху сероводорода, тут побывали вырвиглолки. Точно: труп кудрявого коротышки обглодан, скальп валяется рядом, из черепной коробки выеден мозг. Данила ногой перевернул скелет и под грудой тряпья, которая была курткой, обнаружил пистолет «стриж» с двумя патронами.

У покойного Кондрата, как он помнил, был «кедр». Переступив через кусок покореженного гипсокартона, Данила наконец нашел сожранного мутантами Кондрата. Пол, присыпанный известковой крошкой и пылью, пестрел следами вырвиглолок, похожими на кошачьи. «Кедра» рядом не оказалось, зато обнаружились следы ботинок размера эдак сорок восьмого. Момент?

Вчера Данила был скорее мертв, чем жив, и это ускользнуло от его внимания. Сейчас он пошел по следам. Те оборвались в коридоре, под выбитым окном, куда хлынули вырвиглолки и затоптали место, где лежал Момент. Нагнувшись, Астрахан коснулся черных лужиц крови, а когда поднялся, во второе от лестницы окно влетела пуля, чиркнула о бетон и отлетела под ноги. Доцент шарахнулся в открытую дверь одного из кабинетов.

– Жакан, – отметил Данила, поднял деформированный кусок свинца и, держа наготове «стриж», двинулся к Прянину.

– Что-что, прости? – переспросил Доцент.

Жизнь в Секторе развила в нем здоровые рефлексy. Когда начали стрелять, Прянин сразу нырнул в ближайшее укрытие – им оказался перевернутый лабораторный стол, и замер в позе человека с плаката «Как пережить ядерный взрыв».

Данила скользнул в помещение и пояснил:

– Жакан, говорю. Пуля из охотничьего ружья. Судя по размеру – двенадцатый калибр.

Он сел, привалившись спиной к стене. Пуля, разбившая окно, вошла в потолок под таким крутым углом, что можно было с уверенностью предположить, что стрелявший стоял близко к зданию – и, следовательно, прицелиться ни в кого из находившихся на третьем этаже не мог. Так, бабахнул наугад, для остротки.

Пуля ударилась в бетон и раскрылась, как цветок. Или, точнее, как нож мясорубки. Страшно было даже представить, что могла наделать такая штука, попади она в живую плоть. Фарш и осколки костей...

– Еще и надрезанная, – прокомментировал Данила. – Дум-дум. Сволочи!

– Кто – сволочи? – шепотом уточнил Прянин. – Кто в нас стрелял?

– Пока не знаю. Но кажется, мы это скоро выясним.

Грядущая перестрелка не вызвала привычного выброса адреналина. Ну, перестрелка. И что, волноваться теперь? Или Данила просто чертовски устал. Последняя пара дней выдалась крайне насыщенной.

Но – пора заняться делом. Перестрелка, или, по-научному, огневой контакт, подразумевает ведение огня из огнестрельного оружия с обеих сторон. А иначе это уже не перестрелка, а расстрел безоружных.

Для ведения огня в распоряжении Данилы был пистолет «стриж» с двумя патронами. И все.

Особо не повоюешь. Хватит, разве что застрелиться. Одну пулю – себе, вторую – Доценту. Даже Маугли не достанется...

– Кстати, а где Маугли? – вспомнил Данила.

– Не знаю, – завертел головой Прянин. – Исчез. Они это умеют, исчезать и появляться беззвучно.

Смылся лягушонок. На втором этаже он еще был, а теперь – нет его. Ладно, Маугли – местный, он не пропадет. Спасибо, хоть подлатал...

На улице гроыхнул еще один выстрел, и где-то в здании тренькнуло разбитое окно.

Ну вот, как есть – наугад палят. Спрашивается, зачем?.. Какой смысл лупить из охотничьего ружья по НИИ, да еще в потемках, при неверном мерцании Московского сияния?

– Мне кажется, – сказал Прянин дрожащим голосом, – это что-то вроде психической атаки. Ну, вроде как артподготовка, если я не путаю термин...

– Сейчас посмотрим, – ответил Данила и встал.

Прижавшись к стене, он рукой с оружием уперся в откос окна и стал ждать третьего выстрела. Стрелять на вспышку, конечно, та еще лотерея, но чем черт не шутит.

Но третьего выстрела не последовало.

– Внимание! – хрипло каркнул усиленный мегафоном голос. – Внимание! Вы окружены! Сдавайте оружие и выходите по одному!

Небо над НИИ загадочно мерцало лилово-фиолетовым, лес вдалеке колыхался темной громадой, и над этим сюрреалистическим пейзажем опять прогремело:

– Повторяю! Вы окружены! Сопротивление бесполезно!

– Полиция, что ли?.. – ошарашенно пробормотал Данила. – Или МАС?

– Нет-нет-нет! – быстро проговорил Прянин. – Это Андрон! Поп Андроний! Я узнал его голос! Боже мой, боже мой... Все пропало, он нас догнал... Что же теперь будет?!

– Разберемся, – успокоил его Астрахан.

– Ты не понимаешь! Он же пришел мстить за сына!

«А хоть за внука», – хотелось ответить Даниле, но он промолчал. Как на месте Андрония поступил бы любой нормальный человек, собираясь захватить группу людей, засевших в НИИ? Выставил бы оцепление – раз. Перекрыл бы входы и выходы – два. И послал бы внутрь штурмовую группу, а лучше паре – три. И взяли бы Астрахана с Пряниным тепленькими.

А он что учудил? Сначала по окнам стал палить, потом провел психическую атаку. Вывод: или Андроний окончательно спятил, или у него меньше людей и ресурсов, чем он хочет показать.

Впрочем, у самого Данилы с людьми и боеприпасами еще печальнее. Прянин не боец, Маугли смылся, арсенал – два патрона и нож... Единственный выход: заманить людей Андрония в здание, заставить их рассредоточиться, а потом убирать по одному, и желательно – тихо.

Слишком оптимистичный план.

Самонадеянный, можно даже сказать. Но другого-то нет...

– Последний раз повторяю! – надрывался мегафон. – Сдавайтесь! Выходите с поднятыми руками! Сопротивление бесполезно!

Судя по эху, источник рывканья располагался в зарослях ненадежного кустарника – бурого, словно законсервированного Глубью. И когда ночное небо в очередной раз озарилось сиреневым сполохом, Данила, скрепя сердце, – страшно не хотелось тратить впустую патрон – выстрелил из «стрижа» на звук.

Тут же в ответ бахнули из двустволки, рядом с хрустальным звоном осыпалось еще одно окно.

– А ты приди и возьми меня, поп! – крикнул Данила, меняя диспозицию. – Если смелости хватит!

– Астрахан! – голос в мегафоне стал замогильно-серьезным. – Хватит крови, Астрахан! Сдавайся. Я прощаю тебя. Я дам тебе возможность искупить грех человекоубийства. С тобой же люди, Астрахан. Не губи их. Мне нужен только ты.

– Тонкий расчет, – проговорил сжавшийся в комок Прянин. – Он хочет, чтобы вас выдали. Андроний – опытный психолог.

– Ну-ну, – хмыкнул Данила, наблюдая, как от кустов отделились тени и короткими перебежками устремились к НИИ. Раз, два, три... и четыре. Как и следовало ожидать. Ну и с Андронием осталось еще человека два от силы.

Всего получается семеро. Каким бы опытным психологом ни был отец Андроний, а заставить своих людей пойти к самой Глуби большой толпой ему не удалось. Вот и славно.

У противника количественное преимущество в семь раз, если не считать боевыми единицами Прянина и Маугли. Ничего, бывало и хуже. На стороне Данилы – ночь и знание внутренней архитектуры НИИ. Осталось придумать, как бы их еще рассеять... Если они проходили хотя бы базовую подготовку, будут работать парами. Если нет – попрутся прочесывать этажи поодиночке. Ну да это скоро выяснится.

– Сиди здесь, – приказал Астрахан доценту, – и не отвечивай. Я – на разведку.

– Хорошо... – промямлил Прянин. – А что мне делать, если меня найдут?

– Сдаваться, что еще...

Оставив Доцента размышлять над перспективой возвращения к Андронию (судя по выражению лица, Прянина такое будущее не очень вдохновляло, чтобы не сказать – пугало), Астрахан покинул комнату и «боевым шагом», ставя ногу с пятки на носок и двигаясь на полусогнутых ногах так, чтобы тело не раскачивалось в такт движению.

Руки – перед собой, на уровне лица. Правая, с пистолетом, согнута в локте, запястье зафиксировано. Левая, с ножом, прижата к правой так, чтобы тыльные стороны запястий соприкасались. Слегка модифицированная стойка Уивера, она же – стойка Харриса для работы с фонарем. Только вместо фонаря – нож...

Вниз по лестнице. Замереть на повороте. Прислушаться.

Голоса. Мужские. Поправка – один мужской, второй – юношеский, ломающийся. Враги о чем-то спорили, стараясь говорить потише.

Это первая пара. Где вторая?

Данила попытался вспомнить расположение лестниц в НИИ. От центрального входа – одна парадная на второй этаж, там – разветвление на два крыла, и, кроме центральной, есть еще две боковых, где любят курить младшие научные сотрудники. Плюс лифты, но они не работают. Можно, конечно, ножом разжать двери лифтовой шахты и спуститься вниз по тротуарам, но: во-первых, неизвестно, в каком состоянии эти тросы и между какими этажами замерли кабины лифтов, а во-вторых, такие фокусы Прянину вряд ли под силу.

Пора переходить к силовому решению проблемы.

Был соблазн застукать говорунов врасплох, одного застрелить, а второго убрать ножом – вполне реально, если подсуется, но на выстрел прибежит вторая пара. И не факт, что Данила успеет подобрать трофейное оружие и достойно встретить новых противников. А получить жакан в брюхо очень не хотелось, тут никакие травки Маугли не помогут.

Значит, будем искать вторую пару. По логике, враги должны были разделиться на втором этаже и пойти в другое крыло, чтобы на третьем прочесать все помещения методом «крест-накрест». Сам Данила так бы и поступил.

Логика не подвела: вторая пара андроновцев (Данила мысленно окрестил их «андроидами» и даже нашел в себе силы улыбнуться) двигалась навстречу первой от боковой лестницы. Шли молча, только сопели в четыре дырки да побрякивали снаряжением.

Вот к чему приводит несоблюдение совершенно детского правила: прежде чем выполнять задание, попрыгай, не бренчит ли что...

А еще от второй пары несло сивушным перегаром. Ай да бойцы, ай да андроиды!..

Данила выскочил им навстречу из-за угла, поймал на мушку первый силуэт. Выстрел. «Стриж» привычно дернулся, затвор встал на задержку. Астрахан нажал на защелку магазина и, когда тот брякнулся на пол, пнул его в сторону второго мужика, судорожно дергающего затвор помпы. Пустой магазин с металлическим звяканьем полетел по полу.

– Граната! – заорал мужик, отмахиваясь заклинившим ружьем, как от мошкеры.

За выигранную секунду Данила успел сократить дистанцию и, поднырнув под ружье, врезал пустым «стрижом» мужику в лицо. Мужик «поплыл», и Данила дважды пырнул его ножом – в шею и в бок.

Бросив пустой «стриж», Астрахан подхватил ружье из ослабевших рук убитого противника и ощупал казенник. Так и есть, перекосило патрон. Ружье оказалось турецким «хатсаном» – клоном легендарного «Ремингтона-870», а турки всегда славились низким качеством стволов.

Но времени любоваться оружием не было: на этаже затопали. Второй мужик и подросток, с которым он пререкался, спешили на звук выстрелов. Гостям надо было организовать достойную встречу.

Тихо матерясь, Данила выцарапал перекосивший патрон (еще и картонный! Мама дорогая, раритет-то какой! Хотя – ну да, конечно, они же их наверняка сами набивают), передернул цевье, упал на колено и прицелился.

Постепенно замедляющиеся шаги доносились уже из коридора.

Если в патроне жакан – первого свалит точно. Если картечь – может зацепить обоих. Непонятно, что лучше.

– Стой! – прогудел кто-то за углом, и топот тут же оборвался. – Не входи!

– Да я, да я его щас! – запальчиво выкрикнул подросток. – Он же Матвеича грохнул, сука!

– То ли ты его, то ли он тебя, – рассудительно проговорил тот, что постарше. – Погодь.

Данила вздохнул. Страшно не хотелось убивать. Ведь, судя по голосу, пацан совсем еще – и наверняка с батей вместе. В мясорубке боя начинаешь забывать, что противник твой, которого ты так лихо завалил ножом, – не просто противник, а Матвеич, живой человек (хоть и долбанутый на всю голову проповедями Андрония), и у него есть родня, друзья, те, кто будет по нему убиваться и рыдать... В какой-то момент перестаешь об этом думать и начинаешь воспринимать противников просто как мишени: продырявил одну – стреляй по следующей.

А тут – пацан с батей. И умирать, естественно, не хотят.

Андрония бы, падлу, завалить. Чтобы не гнал пацанов на убой ради своих суеверий.

– Эй, мужики! – крикнул Данила. – Валите отсюда, а? Я вас не трону. Мне просто уйти надо. Разойдемся миром?

– Миром?! – взвился подросток. – Да ты! Да я тебя! Сучара, ты ж Матвеича завалил! Валик, давай тротил, ща мы его...

Тротил... Твою ж дивизию! Вот и проявляй после этого гуманизм.

За углом раздался сухой стук, металлически брякнуло выпавшее оружие, а следом кто-то свалился на пол.

– Эй, ты, там! – прогудел невидимый союзник. – Не стреляй.

– Угу, – промычал Данила, не до конца понимая, что произошло. – Жду тротила...

«Кинут шашку – нырну в окно, – решил он для себя. – И по фиг, что третий этаж. За карниз зацеплюсь, потом упаду в кусты, они там большие, мягкие...»

– Да не бойсь ты, – успокоили его. – Я его того... вырубил Степку-то. Полчасика полежит, потом оклемается. У меня рука тяжелая.

– А на хрена?

– Я это... В общем, с тобой уйти хочу. Невмоготу мне с Андроном жить.

Перебежчик? Ну, вполне может быть...

– Выходи с поднятыми руками. Оружие оставь.

Из-за угла показался крепкий мужик лет сорока, с косматой бородой и свалывшимися волосами. В его огромных круглых глазах отражалось Московское сияние. Одет он был в рубаху-вышиванку с орнаментом, поверх которого дико и нелепо смотрелся американский разгрузочный жилет и охотничий кожаный патронташ. В поднятых руках мужик держал толовую шашку и детонатор – отдельно.

– Хотел бы тебя грохнуть – грохнул бы, – объяснил Валик, протягивая взрывчатку Астрахану. – А так, с тобой уйти хочу. Надоел мне Сектор. Мочи больше нет. Возьмешь?

В этот момент черная тень выскочила из-за угла и ловко вспрыгнула на спину мужику. От неожиданности тот выронил шашку, детонатор и коротко матюгнулся. Тень вцепилась ему в загривок, блеснул острый осколок стекла, как раз под бородой, возле сонной артерии...

– Маугли, стой! – гаркнул Данила. – Не смей! Отпусти его!

Маугли, яростно осцерив зубы, что-то прошипел, но все же послушался, спрыгнув со спины мужика.

– Это что за чертовщина? – ошарашенно спросил андроид, потирая шею и опасливо разглядывая Маугли.

– Это свои, – успокоил его Данила.

– Ни хрена ж себе свои! Он мне чуть горло не перерезал...

– Я нашел выход, – заявил Маугли гордо. – В подвале. Там есть туннель. Сухой. Ну, чуть-чуть мокрый. Ведет за ограду. Можно уйти под землей.

– Так, – сказал Данила. – Молодец. Хвалю. Веди сюда Прянина... Говорящего, – поправился он, – и будем уходить. Сколько у Андрония осталось людей? – спросил он у мужика. – Да, и зовут тебя как?

– Валик, – ответил тот, оглаживая бороду. – У Андрония еще трое.

Данила прищурился. Всего-то? А не сходить ли обратно к трансформаторной будке и не решить ли проблему Андрония раз и навсегда?

– Пацаны вроде Степки, – добавил Валик, и Данила досадливо сплюнул.

Желание пощупать кадык Андрония ребром ладони в его душе только окрепло, но не валить же трех пацанов? Подождет Андроний следующего раза. Тет-а-тет, как говорится.

– Здравствуйте! – вежливо сказал Прянин, заходя в комнату. Маугли тенью следовал за ним. – Валик, если не ошибаюсь?

– Профессор? – удивился мужик. – Живой? А я-то думал, грешным делом, что каюк тебе. Везучий ты, однако...

– Ну что вы, что вы... – засмутился Прянин. – Я и жив-то только благодаря Даниле!

– Ну, значитца, не ошибся я, – сделал вывод Валик. – Ежели ты, Данила, Доцента спас, то и я с тобой не пропаду.

«Мне бы твою уверенность», – подумал Астрахан с тоской и сказал:

– Валик, ты оружие бывших товарищей подбери.

Валик с воодушевлением кивнул и исчез за дверью, а вернулся обвешанный патронташами, с двумя обрезами, АК и тротильными шашками. Автомат Данила отобрал, осмотрел и кивнул с удовлетворением; тротил Валик сунул в заплечный мешок, приговаривая:

– Вещь полезная, пригодится.

Подождав, пока бывший андроид управится с трофеями, Данила скомандовал:

– А теперь, Маугли, веди в свой туннель!

Туннель, видимо, предназначался для экстренной эвакуации сотрудников – высокий, метра два, совершенно темный. К счастью, у Валика нашелся тусклый фонарик – на полу протянулась многообразная тень.

Не прошло и пяти минут, как впереди замаячил серый квадрат выхода с узором черных ветвей. Покидая туннель, Данила зацепил ветви, поросшие серебристым лишайником, – они рассыпались от прикосновения.

На выходе валялся труп – целый, в камуфляже, на открытых участках его тела рос лишайник. Значит, погиб этот человек давно. Странно, что вырвиглотки побрезговали. Пинать его, чтобы посмотреть, рассыплется он или нет, Данила побрезговал.

Переливы на светлеющем небе поблекли, но все равно оно казалось потусторонним и напоминало огромный колпак. Прянин, нервно теребя рукав, заговорил:

– Не нравится мне все это. Куда пойдём, Данила?

Тот остановился, нахмурившись, поглядел влево, вправо. Потом вперед.

– Где, говоришь, твой Картограф обитает?

Прянин махнул на восток:

– Талдом там. Но я не до конца уверен, что Картограф вообще есть. А даже если есть, не факт, что он в Талдоме, точнее, в поселке Северный рядом с городом. Очень вероятно, что мы Картографа не найдем.

– Все равно выбор невелик. Если он способен провести в Глубь по этим тропам, или как их там, складкам... Короче, вы со мной идёте или нет?

– Идем, – согласился Прянин, почти не раздумывая. – А ты, Валик?

– Мне бы к людям добраться, – развел руками тот. – А потом в Тверь. Один я пропаду, так что пока буду с вами, а там поглядим.

Данила зашагал по лишайнику в лес, бросив напоследок:

– Ну значит, веди, Доцент, в этот Талдом, к Картографу.

Глава 2

Данила вспоминал карту: от Дубны до Талдома километров сорок – пятьдесят, то есть десять часов ходу, но это Сектор, и неизвестно, какие он приготовил сюрпризы. Осталось надеяться, что Маугли проведет...

Увы, вскоре выяснилось, что мальчишка сам здесь впервые: его ареал обитания – Дубна и окрестности. Хотя в Секторе он свой, то есть передвигаться ему тут легче, чем даже самому опытному проводнику.

Да и Данила теперь был своим – он чуял искажения лучше многих других.

Сначала двигались на юго-восток по присыпанной хвоей трассе, вглядываясь в поржавевшие знаки и ища ориентиры. Быстро идти не получалось: несколько раз сворачивали, обходя искажения, прятались от хренозавра на брошенной заправке, а проклятая тварь топала рядом.

Миновали несколько брошенных деревень – Ольховик, Темпы и Полуденовку, отыскиали указатель «Талдом» и свернули на восток.

Если на трассе до перекрестка на Дубну еще встречались следы присутствия человека – то окурки, то сигаретная пачка, то пакет целлофановый, – дорогу на Талдом следопыты обходили стороной. Вспомнился Дмитров, и появилось смутное предчувствие опасности, будто ее разлили в воздухе. Похоже, ее ощутил даже Прянин: разинув рот, завертел головой.

Не искажение, точно, – сами места, как следопыты говорят, гиблые. Данила слышал, пару лет назад тут была перевалочная база вольных, которая очень быстро накрылась то ли бродячей аномалией, то ли врагами... то ли лешими. Про этих последних рассказывали всякое, и в большую часть баек Данила не верил, но что лешие – необычные люди, то ли секта, то ли особый клан следопытов – действительно существуют, было установленным фактом. Люди меняются от биотина, может, и лешие эти – измененные, как Маугли?

Еще до появления Сектора места здесь были гнилые, а теперь и подавно. Брошенные деревни, что попадались на пути, приходилось огибать окольными путями. Маугли все чаще останавливался и велел переждать. Прянин крепился, хотя был бледен и казалось, что он держится из последних сил.

Перегавкивались вдалеке то ли псы, то ли твари Сектора, да ветер свистел в провисших проводах ЛЭП, вдоль которой и шли, – здесь пролесок не такой густой. Данила следовал за проводником сосредоточенно, молча, принохиваясь и прислушиваясь к Сектору. Главное – не останавливаться. Его так часто предавали, что пора бы уже привыкнуть, он не раз терял смысл жизни и придумывал его себе заново, но все последнее время в его судьбу активно вмешивался Сектор. Да что там говорить – мир вращался вокруг Сектора, а сейчас представилась возможность во всем разобраться. Хватит быть футбольным мячом, который туда-сюда гоняют по полю, пора становиться главным судьей на мачте под названием «моя жизнь».

Небо начало затягивать тучами – странными, зловещими, как и все в Секторе. Тучи неслись по небу с бешеной скоростью, хотя ветер стих и воцарилось беззвучие. Маугли то и дело задирает голову и тарасился на тучи, но молчал, а его никто не спрашивал. Когда тучи начали пикировать вниз, превращаясь в необычайно плотный туман, Прянин не удержался, взмахнул рукой и поинтересовался:

– Я искренне надеюсь, что нам ничто не будет угрожать.

– Не страшно, – ответил Маугли. – Просто идите за мной.

Данила вспомнил путеводитель и заподозрил, что группа попала в искажение «бродила», но раз на проводника она не действует, значит, опасаться нечего. А вот будь Маугли обычным проводником, день-другой пришлось бы бесцельно шараться по Сектору.

– Не нравится мне это, – проворчал Валик. На его бороде повисли мелкие капли, он косился на Маугли – не доверял бесовому отродью.

Трудно было представить, что творится в лохматой голове беглеца из секты Андрония. Все-таки нормальный человек не попрется добровольно в самое сердце Сектора и не попадет под влияние сумасшедшего проповедника.

Туман оседал все ниже, и теперь невозможно было рассмотреть ничего уже в трех метрах. Сосновые стволы выплывали из белесого марева черными колоннами, кусты появлялись неожиданно, хватили за одежду: не ходи туда, путник, там хуже, там страшнее. Словно сам Сектор пытался остановить их. Одно он упустил из виду: эти люди были возле Глуби, и теперь им мелочи типа «бродилы» нипочем.

Щелкали чупакабры, следующие за группой вот уже несколько часов, подбирались близко – Данила иногда замечал их темные спины. Хрустела хвоя под ногами, сопел Валик, видимо недовольный тем, что променял шило на мыло.

– Я так никогда из Сектора не выйду – все на север да на север! – пробасил он возмущенно.

– Ты слышал: мы в Талдом идем.

– Знаю я! Но не хочу теперь туда идти! – Валик остановился и осенил себя крестным знаменем.

– Что, демоны там? – насмешливо проговорил Данила, перелезая через огромную, в три обхвата, поваленную сосну. Чертыхнулся, вымазавшись смолой. – Так чего ж Андроний их не изгнал?

Валик обиженно засопел. Из-за него остановилась вся группа: Данила с Маугли перелезли дерево, Прянин и бывший андроид остались за ним. Мужик сказал:

– Смейтесь-смейтесь! Лешие там, слышал о них? Они хуже хамелеонов, и человечину жрут. Посмотрю, как ты запоешь, когда они тебя жарить начнут!

– Маугли, – заговорил Прянин, – а ты слышал о леших?

Мальчишка мотнул головой, Данила уточнил:

– Должен был слышать. Они как люди, только странные. Маугли, ну, вспоминай. Они раньше возле Глуби водились.

Маугли почесал голову:

– Были, давно. Солнца боялись. Не как вы, не как мы. Чужие, и с ними ревун. Они брали наших, редко, потом ушли. Говорили непонятно.

– Ревун? – переспросил Данила, но Маугли промолчал.

Прянин, с трудом преодолевая преграду, тоже задал вопрос:

– И зачем им были нужны ваши?

Маугли дернул худым плечом – не знаю, но Прянина его ответ не удовлетворил:

– То есть ты утверждаешь, что они разговаривали на чужом языке?

И тут Валика прорвало:

– Вы слышали, да? Дальше я не пойду! Вы как хотите, а я назад. Уж лучше к Андронию, пусть выпорот и в яму посадит, но к лешим в логово – ни за что!

– Маугли, а что за ревун? – продолжал допрос Прянин. Глаза Доцента загорелись, он будто сразу помолодел на десять лет.

Мальчишка глянул на него и пожал плечами. Прянин громко вздохнул, сообразив, что больше информации не вытянет.

– Вы слышали? – не унимался Валик. – Я дальше не иду и вам не советую.

Данила уселся на сырую траву, потянулся к карману штанов, с сожалением вспомнил, что сигареты кончились, и проговорил:

– У тебя выбора нет: или ты с нами, или ты труп. Ты ж Сектор не чувствуешь... Считаю до пяти, и мы идем дальше, а ты – как хочешь. Только патроны оставь и тротил. Все равно не спасет, когда будешь в микроволновке жариться или в гравипапе тебя расплющит. И раз, и два...

Валик не выдержал на «четырех», выругался, перелез через ствол и развел руками:
– Жить хочется...

Засветло до Талдома добраться не получилось. Туман рассеялся, но тревога лишь усилилась. Казалось, будто кто-то идет следом и дышит в затылок. Данила понимал, что это дыхание Сектора, но все равно вглядывался в еловые лапы, что сомкнулись под самым небом. Валик совсем извелся: ткни в спину – заорет, даже Маугли занервничал.

– Пора бы убежище искать, – в десятый раз напомнил Валик.

Его реплику проигнорировали: вот уже несколько часов они плелись по дороге, на которую наступал лес, – ни заправки тебе, ни поселка. Корни вздыбили асфальт, под опавшей хвоей трудно было разобрать, здесь ли дорога. Память подсказывала Даниле, что скоро уже будут пригородные поселки.

Еще пять минут ходьбы – и сосны разомкнули ветви над головой и расплзутся черные тени... Но тут хрустнула ветка. Прянин, идущий за Данилой, ойкнул, Валик выругался, Данила прицелился в сгущающуюся черноту, где – он точно ощущал! – скрывался враг. Не вырвиглотка, не хренозавр. Кто-то хитрый и опасный. Хамелеон? Ходячий мертвец? Последнее ему нравилось меньше всего: представлялся Момент – серолицый, с глазами, затянутыми белой пленкой. Учужал друга и крадется, чтобы отомстить за свою смерть.

Мышцы напряглись, палец, лежащий на спусковом крючке, вспотел. Идущий впереди Маугли, вцепившись в свою палку-копье, всматривался в присыпанную хвоей землю – искал следы. В затылок сопел Прянин, Валик замыкал. Данила остановился, чтобы стать в конец колонны. Валик кивнул ему благодарно, его перекошенное ужасом лицо блестело от пота.

Лес все не заканчивался, ощущение опасности усилилось. Если ночь настигнет в лесу – хана.

Дорога закончилась внезапно: впереди колыхался камыш. Валик издал придушенный всхлип и схватился за бороду. Данила скомандовал:

– В обход! И пошевеливаемся.

Пока обходили болото, промочили ноги. Если бы это было обычное подмосковное болото, налетел бы гнус. Здесь же его не было – тревожный знак.

– Мы, случайно, в «бродилу» не вляпались? – прохрипел Прянин.

Скрипнув зубами, Данила рявкнул:

– Нет!

Теперь он шел первым. Еще несколько шагов. Раздвинуть камыш... И снова заросли. Не сдаваться! В болоте что-то застонало, захохотало. Или сбились с пути? Дорогу пожрало болото, где север, где юг – не понятно.

Над сероватыми в сумерках листьями мелькнула красная крыша. Спасение или мираж? Данила устремился вперед.

Действительно – дом, утонувший в болоте по самые окна, оплетенный похожей на вьюнок травой. За крайним домом виднелся еще один. Деревня! Осталось найти более-менее сухое место.

Пока пробирались в середину деревни, выяснили, что вьюнок реагирует на движение, как лоза, – лучше к нему не приближаться.

К счастью, вторая часть поселения стояла на сухой почве. Правда, дома потемнели и местами растеряли штукатурку.

Ночевать решили в длинном двухэтажном доме со ставнями. Прежде чем захлопнуть их, Данила обыскал дом и обнаружил пустую керосинку, огарок свечи и на полке в кухне – ржавые банки с консервами. Желудок тотчас заурчал.

Когда с трудом закрыли распухшие от сырости ставни и входную дверь – надежную, железную, уселись в кухне, возле огромной русской печи. Данила с третьего раза поджег свечу

и разложил на покосившемся столе консервы. Лицо Прянина, озаренное огненными бликами, вытянулось, глаза загорелись:

– Я готов умереть ради человеческой пищи. Пусть я отравлюсь, но умру сытым!

Данила молча вогнал нож в первую консерву. Этикетка истлела, и невозможно было понять, что внутри. Это оказалось зеленоватой, совершенно тухлой кабачковой икрой. Во второй тоже была икра, а вот в третьей, большой, – гречка с тушенкой, на вид съедобная. Прянин потянулся к ней ржавой ложкой, найденной тут же, Данила же отложил ложку и вцепился в автомат: под окнами кто-то ходил и фыркал. Кто-то небольшой, с человека размером.

Валик, уплетающий кашу за обе щеки, замер с открытым ртом – тоже услышал шаги и потянулся за обрезом. Маугли едой не интересовался – свернулся на полу калачиком и засопел. Прянин же так интенсивно работал челюстями, что ничего не видел и не слышал.

Тварь нападать не спешила: поохала, повздыхала и пошла себе дальше. Данила приступил к трапезе, зажав автомат между колен. Чтобы разрядить атмосферу, Валик зашептал:

– О, гречка с тушеночкой! Нам такое часто в интернате давали, а потом в детском доме, вот. Пряма эта, как ее... Ну, воспоминание это...

– Ностальгия, – подсказал Прянин.

– Точно! – Валик сунул ложку в стремительно пустеющую банку.

– Так ты детдомовский? – приличия ради поддержал беседу Прянин.

– Ага. Мамку не помню почти. Сначала на улице жили, потом меня тетка забрала в Москву, и опять на улице жил, а потом детдом. Там было хорошо, сытно, но тоскливо. Другие убегали, а я жил...

Данила вскрыл ножом следующую банку, где – о счастье! – тоже была тушенка. Валик облизнул ложку и продолжил:

– Оposля детдома я на водителя пошел. Выучился, на работу устроился грузы возить, и тут приходит ко мне дама – вся такая возвышенная, в шляпке, но видно, что или пьет, или еще что, и ко мне: прости, сынок, и все такое... – Валик смолк, будто забыл, что хотел сказать.

– Простил? – спросил Прянин.

– Простил. И в Сектор ушел. Мне Сектор был и мамкой, и папкой, а вот отец Андроний – не отец никакой. Скот он, вот! И вообще, мне тут надоело. Хочу от пуза налопаться – и в душ!

Данила прожевал и покосился на Валика: огромный ребенок – простой как валенок, доверчивый, недолюбленный и недоласканный в детстве. Как и большинство обитателей Сектора, здесь он ищет смысл жизни и себя. Если тебе нет места в цивилие, никто там тебя не ждет, всегда можно вернуться сюда, в Сектор. Даниле же Сектор стал не то что поперек горла – поперек жизни. Но сможет ли теперь просто уйти отсюда? Он чуял искажения и не был уверен, что Сектор его отпустит.

– Значит, так, – скомандовал он. – Спим по очереди. Я первый на дежурстве. Потом – Доцент, затем – Валик. Выдвигаемся на рассвете, до Талдома недалеко.

– Нам в Северный, – уточнил Прянин. – Это еще час ходу от Талдома. Ну, два, максимум.

– По койкам! – Данила повысил голос на полтона.

Все смолкли. Прянин принес отсыревший матрас, Валик – воняющее цвелью одеяло, застелили печь и улеглись. Данила загасил свечу, и кухня погрузилась во мрак. Валик тотчас вырубился и басовито захрапел. Пришлось его будить – не было слышно, что происходит на улице, и враг мог подкрасться незамеченным.

Некоторое время Валик чуть слышно сопел, но вскоре снова захрапел так, что на столе задребезжали консервные банки. Данила выругался, встал и направился его будить.

На самом деле этот дом – сомнительное убежище: стены спасут от чупакабр и вырвигла-ток, но вряд ли устоят при натиске хренозавра.

Нащупав печь, Данила поднял руку, чтобы толкнуть Валика, и тут услышал звук. В нем была тоска улетающей журавлиной стаи, боль матери, зовущей потерянное дитя, отчаянье оди-

нокого существа, последнего из своего рода. Он звал, проникая в каждую клетку тела, вибрировал и увлекал туда, где любят и ждут – именно тебя. Глубокий, переливающийся множеством тонов, человеческий и совершенно чуждый. Данила знал: это кричит не искажение, а живое существо, бесконечно странное, чуждое...

Застонал, заворочался Валик, раздался шлепок – то ли он, то ли Прянин спрыгнул на пол и потопал к двери. Загрохотало, завизжал Маугли – на него наступили. Данила и сам хотел идти на зов: тот, кто кричал, ждал его и любил.

В зов фальшивой нотой ворвался тонкий крик Маугли:

– Это ревун, не слушать!

Но Данила хотел слушать, хотел купаться в звуке, стать им. Он шагнул вперед, еще и еще, пока не уперся щекой в стену. Это немного его охладило, и Астрахан титаническим усилием воли зажал уши. Рядом рыдал Прянин, в поисках выхода бился о стену Валик, шипел Маугли.

Когда звук оборвался, Данила оперся спиной о стену и съехал на пол. Он был пуст – ни мыслей, ни чувств, одно желание – снова услышать ревуна. Валик растянулся на полу, всхлипывая, рядом причитал Прянин:

– Что это еще такое? Это ужасно!

– Ревун, – ответил Маугли. – Его нельзя слушать, он забирает.

Валик простонал:

– Я ж говорил: живым мы отсюда не уйдем!

Данила спросил:

– Маугли, это искажение такое? Заманивает голосом?

– Нет, – Данила представил, как в абсолютной темноте Маугли мотает головой. – Он живой. Мы его боялись – ныряли. Если нырнуть – безопасно. Если заткнуть уши – безопасно.

Астрахан продолжил:

– Я за то, чтобы пойти в Северный, минуя Талдом. Не хочется встречаться с тем, кто кричит. Судя по силе голоса, оно огромно. Маугли, кто-нибудь видел ревуна?

– Не.

– Можно я не пойду, а подожду здесь? – прохрипел Валик.

– Если сможешь в одиночку выстоять, то да, – сказал Данила. – Все, спать!

Дежурил Данила, пока не начали слипаться глаза. Он чувствовал время – прошло часа четыре. За окном шелестел, стонал и скрипел лес. Сначала Астрахан с тревогой вслушивался в звуки, теперь же они его убаюкивали.

Когда Прянин его сменил, Данила улегся рядом с посапывающим Валиком и тотчас отрубился.

Проснулся он от головной боли. Открыл глаза: на нем сидел Маугли, дергая его за плечо. Данила толкнул мальчишку, вскочил, завертел головой.

И снова слышал зов.

Попятился, упершись спиной в стенку, заткнул уши. Спасибо лягушонку – если бы не он, брел бы сейчас Данила по болотам, потеряв себя.

Он разрывался: одна его часть стремилась на зов, вторая упиралась руками, ногами и затыкала уши. Дверь была распахнута, и в кухню заползал серый рассвет. Прянин с удивлением смотрел на Данилу и Маугли, Валика в комнате не было.

Ревун смолк. Только сейчас Данила понял природу опасности, разлитой в воздухе, – во всем виноват ревун. В то, что ревун – это живое существо, он не верил, а вот на искажение типа призрака было похоже. Призрак, сильнее обычного в сотни раз...

Нет, Маугли говорил, что ревун был с лешими. Они жили возле Глуби, потом мигрировали сюда и ревуна забрали, так что не исключено, что он – сувенир неизвестной аномалии. Как бы то ни было, он опасен, и лучше держаться подальше от Талдома.

– Где наш друг? – проговорил пришедший в себя Прянин.

И правда, где Валик? Данила глянул на распахнутую дверь, выругался и рванул на улицу.

Сумерки понемногу рассеивались, над соснами, возвышающимися над домами черной стеной, светлело небо. Шелестел камыш, что-то протяжно, совершенно не по-земному, ухало в лесу. Следом за Данилой выскочил Маугли, пригнулся и принялся исследовать землю возле дома. Данила и сам видел следы Валика, впечатавшиеся во влажную землю. На проселочной дороге, поросшей мхом, следы обрывались, словно грузный мужчина взлетел или под землю провалился. Жаль мужика, он подкупал своей простотой и искренностью. Данила уже мысленно попрощался с ним, но Маугли издал воинственный клич и крикнул из-за дома:

– Говорящий! Следы!

Данила обежал дом, миновал прогнившую сеть-рабицу и оказался на мшистой поляне, образовавшейся на месте соседнего огорода. Маугли указывал на примятую осоку и пританцовывал от нетерпения, Астрахан сел на корточки возле него: следы Валика тут заканчивались. По-видимому, когда смолк ревун, бывший андроид пришел в себя, но кто-то напал на него – на примятой осоке явно боролись, – а потом уволок в направлении Талдома. Крови не было, значит, это не зверь... Хотя, почему – не зверь? Может, огромное нечто утащило Валненсия, чтобы кормить детенышей? Во всяком случае, он еще жив и ему нужно помочь. Надо лучше поискать следы врагов.

К сожалению, неведомые твари следов не оставляли. Или настолько умело двигались по мху, или летали – чем Сектор не шутит? И Маугли, и Данила обследовали поляну, но пока безрезультатно. Данила двинулся к соседнему дому и обнаружил лужу. В грязи виднелся отпечаток подошвы без рисунка и каблука. Значит, на Валика напали люди – те самые лешие. Уже легче, сразу они его не съедят. Надо андроида-ренегата вызволять.

Прянин согласился идти с Данилой – уж очень ему было интересно, что это за лешие такие, Маугли пошел вслед за Говорящим. Обходя заболоченные участки, Астрахан думал о том, что правильно сделал, немного раньше отобрав у Валика вещмешок с тротилом.

Следы стали появляться чаще – враги перестали осторожничать. Судя по тому, что на подошвах врагов не было рисунка, они носили самодельные мокасины. Значит, скорее всего, с внешним миром они почти не контактировали. Воображение Данилы нарисовало еще одну секту – сатанистов, кормящих своего карманного демона-ревуну вольными следопытами.

Астрахан усомнился в человеческой природе врагов, когда увидел следы в «паранойке». По идее, они должны были разбежаться или перебить друг друга – Данила помнил, как действует паранойка. Но похоже, враги прошли ее насквозь безо всяких последствий, а на Валика, который без сознания, она не подействовала.

Шли лесом. Чем дальше продвигались на восток, тем больше встречалось заболоченных участков. Огромные сосны здесь стояли черным скелетами, покрытыми мхом до середины ствола. Мох был странным – буровато-зеленым, с красными нитями, похожими на усики винограда, и пружинил под ногами. Все чаще стала попадаться лоза. Даниле казалось, что он идет к Глуби, а не к городу, расположенному во втором поясе опасности. Ладно, не Дмитрий – и на том спасибо.

Вскоре живой лес закончился, сменившись зеленоватой поляной, утыканной черными остовами сосен. В бурых лужах, окаймленных отраженным ободком рассвета, иногда вздувались пузыри, лопались, источая гнилостный запах, от которого кружилась голова.

Осматриваясь, Данила делал вывод, что лешие – очень странная секта: в окрестностях Талдома отсутствовали привычные следы человека: целлофана, окурков, сигаретных пачек, стреляных гильз. Зато были тропы, похожие на звериные.

Одной из таких троп, по которой предположительно шли враги, они и двинулись. Тропа огибала лужи и вела на северо-восток – в Талдом. В нее, будто в русло реки, вливались другие тропки, и она расширялась.

Между мертвыми соснами замаячили крыши домов. Данила устремился было вперед, но в затылок будто кольнуло: стой! опасность! Точнее – прячься, а то хана! Он обернулся, приложил палец к губам и метнулся к зарослям камыша, где тотчас провалился по колено в мутную жижу. К счастью, это была не топь. Прянин и Маугли тоже засели в камыше.

До них донеслись странные шипящие звуки. Потом меж колышущихся стеблей камыша замаячили силуэты. Двое мужчин шли друг за другом, двигаясь рывками, будто первитиновые наркоманы под дозой, и нелепо двигая руками; на них были куртки под цвет мха, с черными разводами – отличная маскировка. Оба мужчины были обриты наголо. Больше ничего Данила рассмотреть не смог.

Вдруг первый враг булькнул, оба остановились и завертели головами. Ощущение опасности усилилось, появилось чувство, что кто-то пытается проникнуть в мозг. Замечают? Не замечают? Конечно, сумерки, но если присмотреться...

Не заметили, издали странный звук:

– Сышка фыршшш, фыrrrrшкал.

– Мрадёр сышшша, атттт!

Мародер? Так зовут главаря Воли – клана вольных следопытов. Этого Мародера даже хитроумным масовцам все никак не удается известить, хотя главный «вольник» им чем-то сильно досадил и они давно пытаются уничтожить его разными методами. Лешие в разговоре назвали его прозвище, или просто слово похожее? И еще вопрос: что иностранцы делают в Секторе? Да и что это за язык такой странный?

Чужаки исчезли из поля зрения, но Данила не спешил выходить. Странно, что он почувствовал их, как бродячее искажение небольшой площади. Или теперь он в Секторе будет чувствовать любую опасность, в том числе зверье и недружелюбно настроенных людей?

Минут через пять продолжили путь. Больше чужаков не встречалось. Взошло солнце, позолотив замшелые бревна срубов. Данила держался осторожно, шел на цыпочках и все время оглядывался. Но опасности не было, она сконцентрировалась в центре города. Там же, как он чувствовал, был и Валик.

Если окраина Талдома напоминала обычный брошенный город Сектора, то по мере продвижения к центру картина делалась все более фантастичной: все утопало во мху. Буро-зеленый мох покрывал деревянные дома, одевал заборы и мертвые деревья, оплетенные лозой. Лоза реагировала на движение и протягивала щупальца-лианы к людям. Маугли держался, Прянин же вцепился в обрез, как утопающий в соломинку. Напади враг – забудет ведь, что стрелять надо: бросит оружие и прикинется трупом...

Постепенно частные дома сменились двухэтажными бараками, похожими на мшистые холмы с блестящими глазами стекол и покосившимися антеннами. Ни живых деревьев, ни крапивы. Лавочки, киоски – тоже поглощены мхом. Мох мягок, упруг и чужероден.

– Дальше я иду один, на разведку, – проговорил Данила, останавливаясь. – Вы остаетесь тут и ждете меня.

Прянин кивнул и с ужасом огляделся. Данила зашагал к ближайшему холму-двухэтажке и принялся резать мох, чтобы открыть дверь подъезда, приказав:

– Спрячетесь внутри.

– Уши заткнуть, ревуна не слушать, – с важным видом посоветовал Маугли и протянул самодельные беруши из мха.

Как Астрахан и предполагал, мох отогнулся толстым ковром, под которым обнаружилась щербатая полусгнившая дверь. Завизжали петли, и Прянин нырнул внутрь. Поколебавшись, за

ним последовал Маугли. Данила разровнял мох, посмотрел издали: словно так и было. Оглядел окрестности, запоминая место, и на цыпочках отправился в центр.

Чем ближе к центру, тем выше дома. Вот и хрущобы, заросшие мхом по третий этаж. Вместо дворов – болота, затянутые багряной ряской. Дорожки – углубления во мху. Шевелится лоза, леших нет. Или есть, просто спрятались и следят за чужаком из черных окон. Спина непроизвольно напряглась. Данила посмотрел вперед и замер: из холма, который раньше был то ли машиной, то ли железным гаражом, торчали колья, украшенные человеческими головами. Было их восемь. Астрахан подошел ближе, рассматривая жертв: все – мужчины, загорелые, будто их пару недель держали на солнце (или коптили после смерти), рты защиты крупными стежками, глаза выколоты, в глазницах ползают мухи. Больше всего Даниле не понравился новый кол, сочащийся сосновой смолой. Предназначался он, скорее всего, для Валика.

Зачем устраивать показуху? Чтоб следопыты не досаждали? Не по-человечески это...

Дальше Данила шел приставным шагом, спиной к замшелым домам. Спину он старался не открывать. Пока никто на пути не встретился – все явно сконцентрировалось в центре, откуда доносился стук и лязг. А потом грянул крик – десятки голосов, слитых в один. Имитируя голос ревуна, он торжественно плыл над замершим городом, напоминая одновременно прощальный гудок уплывающего парохода и рыдания плакальщицы.

«Празднуют что-то или... приносят жертву?» Данила заторопился. Пока лешие заняты, можно пройти незамеченным, вот только как освободить Валика? Патронов мало, зато есть тротил, зажигалка и опыт.

На всякий случай Данила зажал в кулаке беруши из мха. Если ревун отзовется на зов, то рассудок может помутиться, как в прошлый раз.

Лешие смолкли, донесся гулкий звук, будто били в огромный тамтам.

Ревун не отозвался – заорал человек. Да так, будто его резали заживо. Валик! Данила побежал быстрее.

В обитаемой части города улицы были очищены ото мха, дома же он покрывал полностью. Валик все еще орал, но вскоре смолк. Впрочем, Данила почему-то был уверен, что мужик еще жив и нуждается в помощи.

Лешие собрались на площади, окруженной высотками: все обритые на лысо, они стояли спиной к Даниле под огромным лоскутным тентом, натянутым между двумя засохшими тополями. Что происходило в центре, Данила за спинами не видел. Пришлось сдавать назад и пробираться в хрущовку, где торопливо резать мох на двери и по лестнице взбираться на последний этаж.

Стекло было заляпано, и он распахнул окно. Под тентом толпились лешие, а посреди площади стояло возвышение, оплетенное то ли лозой, то ли багровыми лианами наподобие плюща. Перед ним был жертвенный алтарь – белый камень, похожий на давяльную для винограда. По желобкам к жабьей голове с разинутой пастью текли алые струйки крови. Растянутый веревками Валик не шевелился. На его плечах, бедрах и шее алели порезы. Судя по количеству крови, набежавшей в чашу у жабьей головы, он был мертв. У изголовья жертвенника замер лысый леший – голый по пояс, в широких кожаных шароварах с бахромой. Стоял он опершись о топор, похожий на алебарду. Лучи рассветного солнца сверкали на огромном лезвии.

Данила перевел взгляд с жертвы дикарей обратно на возвышение в центре площади. Оно было... странным. Необычной формы, которую скрадывал мохнатый бледно-зеленый покров. Это и есть ревун? Никаких доказательств нет, но Астрахан почему-то сразу решил: именно так, эта штука – таинственный ревун.

Стоящие под тентом снова принялись имитировать крик ревуна. Данила, уверенный, что кровожадный монстр отзовется, заткнул уши и выставил дуло автомата, пытаясь унять сердце-

биение. В душе ядерным грибом вспухала, разворачивалась ненависть. Нет, автомат не поможет. Этих нелюдей надо гасить тротилом!

То ли палач, то ли жрец взмахнул алебардой, и отсеченная голова Валика покатилась по жертвеннику, скудно орошая его алым. Жрец подхватил ее и воздел над собой, отступая в тень, лешие заревели.

Такое жить не должно! Данила извлек тротильную шашку. До жертвенника метров пятьдесят – взрывчатка долетит запросто. Вдохнув-выдохнув, он щелкнул зажигалкой. Загорелся фитиль. Данила швырнул шашку, проследил направление ее полета: ударилась о грудь Валика, отскочила к чаше с кровью. Прощай, ревун, безликий демон, оплетенный мхом вперемешку с лианами! Если ты – живое существо, тебе точно конец!

Поглощенные ритуалом лешие голосили и не замечали, что происходит. Данила рванул вниз по лестнице. Когда грянул взрыв, он был на третьем этаже. Посыпалась штукатурка, задрезали стекла, завопили лешие.

Астрахан выглянул из укрытия: на дороге к спасению – никого. Выскочил и понесся не на юг, где остались Прянин и Маугли, а на запад, чтобы запутать следы. На всякий случай вынул нож. Бежал он вдоль замшелых стен домов, избегая открытых пространств. Пока за ним никто не гонится, но скоро лешие отойдут от потрясения, и тогда...

«Стой! Опасность!» – завопила интуиция. И Данила отпрыгнул назад – как раз вовремя: над головой скрипнули ставни, и путь преградил леший в камуфляжных штанах. Не только лысый, но и безбровый, зато – с двумя ножами. Данила глянул ему в глаза и оцепенел: радужка была янтарной, а зрачок – вертикальным.

Заминка едва не стоила жизни, но Астрахан сумел среагировать: поднырнул под правую руку противника, выбил нож и одновременно отразил удар левой. Дулом автомата врезал лешему под дых и, не давая опомниться, вонзил свой нож в печень, повернув лезвие, а потом полоснул по шее. Кровь оказалась алой, как у человека...

Данила побежал. Теперь все зависит от того, насколько быстро оправятся лешие. Огнестрела у них нет – и на том спасибо, но их человек пятьдесят...

Мох пружинил под ногами, подталкивал, помогая бежать. Нужно увести леших на север, от Прянина и Маугли.

Поросшие мхом дома мчались навстречу, мелькали черные стекла, где он видел свое отражение. Хорошо, что на зеленом ковре под ногами не остается следов.

Данила не знал, гнались за ним или нет. Говорят, лешие боятся солнца. Может, это его спасло? Или не спасение это, а просто его берут в клещи?

Обогнув болото, Данила залег в камыше, окружающем покосившийся дом. Лежал он минут пятнадцать – никто так и не появился. Пока пережидал опасность, размышлял над своим поступком. Стоило ли? Ведь Валик все равно был мертв. Как знать, не вмешайся Астрахан – уже шел бы сейчас к Картографу и попутчиками ничто не угрожало бы. Зато Валику выкололи бы глаза, зашили рот и его голова украсила бы шест. Пусть Данила психанул, но он не оставил тело товарища нелюдям, и ни капли об этом не жалеет!

Выбравшись из засады, он передвигался по городу короткими перебежками. Врагов видел лишь одиножды, но вовремя успел залечь в осок. Их было пятеро, и похоже, лешие действительно боялись солнца: заматывали лица, глаза защищали солнцезащитными очками, руки – перчатками. У двоих Данила заметил ружья.

Подождав, когда они уйдут, Астрахан побежал к Прянину и Маугли. К счастью, дом, где они прятались, лешие не обнаружили.

Прянин встретил его вопросом:

– Как Валик?

Данила приложил палец к губам, выглянул в окно и сказал:

– Уходим. Молча. Валик погиб. Я – первый, Маугли замыкает.

Лицо Прянина вытянулось, он открыл было рот, но Данила предвидел вопрос:
– Молча! Все, ходу!

Глава 3

Прислушиваясь к каждому звуку, шли с максимальной скоростью, на которую был способен Прянин. Погони не было, да и ревун, к удовлетворению Данилы, молчал. Наверное, издохла проклятая тварь.

Астрахан насторожился, когда к привычным звукам добавился едва различимый треск, словно вдалеке работал гигантский ветряк или мясорубка. Обычная механическая мясорубка – Данила помнил, как бабушка молола фарш. Похоже, ни у кого больше треск таких ассоциаций не вызвал. Опустившийся туман, с одной стороны, усиливал тревогу, но с другой – скрывал от змеиных глаз леших.

– Что это? – спросил Прянин.

Маугли ответил:

– Не знаю, неопасно. Это ваши построили, давно.

Данила и сам чуял: опасности нет. Но неизвестность всегда пугает сильнее, чем воплощенный кошмар, и воображение рисовало жуткие картины. Талдом остался позади, и до городка Северный, где живет Картограф, совсем немного. Осталось надеяться, что там не засела тварь типа ревуна и не образовалось искажение. Например, тлен. Ну и, конечно, надеяться, что Картограф согласится помочь.

Как бывший сотрудник МАС, Данила знал, что на северо-востоке лежат необитаемые и очень опасные земли. Дальше на востоке находится Котел, высохшее водохранилище, – неприятнейшее место, и туда, слава богу, они не собираются.

По обыкновению двинулись по поляне цепью. Данила отметил, что трава здесь примята кругами – последствия неведомого бродячего искажения. Прянин что-то бормотал под нос и дышал в затылок, Маугли двигался бесшумно.

Впереди замаячило что-то черное и огромное. Оно вонзалось вершиной в туман и терялось в белом киселе. Несколько метров вперед – и вот уже видно, что это ржавая металлическая опора. Поросшая мхом почва сменилась асфальтом. Полигон, что ли? А что это за вышка?

Из тумана выплыл КРАЗ на просевших колесах. За ним маячил труп металлического то ли здания, то ли фургона. Впереди высилась еще одна металлическая опора, изъеденная ржавчиной. Треск здесь достиг максимума.

– Радицентр, если я не ошибаюсь, – ответил Прянин на незадаанный вопрос, близоруко щурясь по сторонам. – Еще до появления Сектора он начал умирать, теперь же походил на могильник колоссов, вросших в землю. Не знаю, кто как, а я всегда неуютно чувствую себя на кладбищах...

Поселок Северный находился в нескольких километрах от необитаемого радицентра. Ни в его окрестностях, ни в самом Северном не обнаружилось следов присутствия человека, и Даниле это не понравилось: скорее всего, нет никакого Картографа, он – просто миф. Есть, конечно, вероятность, что такая специфическая личность не оставляет следов, но, скорее всего, это не так.

На севере, откуда Астрахан планировал войти в поселок, было искажение, которое он почуял издали и не смог опознать. Понял одно: оно смертельно. Пришлось тащиться в обход, чтобы проникнуть в Северный с юга.

К заброшенности Сектора Данила уже привык. Он часто ловил себя на мысли, что совсем одичал. Попади сейчас в Москву, будет удивляться людям... Может, именно так Сектор заявляет права на человека: тому становится неуютно среди людей?

Данила мотнул головой. Он должен найти Картографа, должен проникнуть в Глубь, помочь Марине и разобраться, что происходит, а уж потом решать, как жить дальше.

– Слышь, Доцент, – проговорил он, с подозрением поглядывая на покосившийся сруб. – И как мы его искать будем, Картографа твоего? Весь поселок прочесывать? Вряд ли он оставил надпись: «Здесь живет Картограф, прием по пятницам».

– Судя по легендам, он живет то ли в здании администрации, то ли в поселковой библиотеке, то ли в брошенном отделении милиции. Есть еще версия, что в детсаду или школе, но точно не в частном доме.

– Уже проще, – сказал Данила, огляделся и почуял искажение, пульсирующее в районе центра, то расширяясь, то исчезая вовсе. – Только вот...

Его опередил Маугли, указал вперед:

– Смерть. Убьет.

Прянин молча сел в траву, а Данила пожал плечами:

– А что делать? Обследуем окраину и дружно надеемся, что Картограф не в центре. Если здание обитаемо, мы это заметим.

На Северный, как и на Талдом, наступало болото, но это было привычное подмосковное болото с обычным мхом. Окруженные камышом и осокой деревянные дома напоминали избушки на курьих ножках. Асфальтовую дорогу затянуло ряской, так что пришлось опять мочить ноги. Даниле казалось, что еще немного, и его ступни раскиснут и развалятся вместе с кроссовками. Болото осточертело, но даже у такой ситуации были плюсы: сразу ясно, что в доме никто не живет, – слишком уж туда трудно пробраться. Да и для следопытов Северный не интересен: ничего ценного, и лешие под боком.

До искажения, которое чуял Данила, оставалось метров семьсот. К тому же оно ослабло и начало схлопываться. Если искажения не действуют на Картографа, то центр поселка – идеальное убежище. Вот только соваться туда не было желания.

Путь преградил накренившийся бетонный забор. Астрахан ударил его ногой, и одна секция с чваканьем рухнула в болото. За оградой располагался детский сад, из-под мха торчали оплетенные травой фигурки животных: облезлый бетонный волк, чуть дальше – жираф и что-то полукруглое, наверное, спина слона. На игровой площадке вырос камыш и высунул стебли в разбитую шиферную крышу. В детсаду никто не жил, зато – Данила чуял – дожидаясь темноты, там залег хамелеон. Два, нет, три хамелеона.

– Лучше обойти, – посоветовал он и зашлепал к центральным воротам, стараясь не смотреть в черные окна, где колыхались полусгнившие шторы.

Возле поскрипывающей калитки Маугли остановился и крутанул головой:

– Нет. Дальше не пойду. Там смерть.

Данила вздохнул:

– Сейчас вроде спокойно. Я рискну. Доцент, держи вещмешок.

Маугли ткнул его кулаком в бок:

– Не ходи. Очень-очень опасно.

– Я ж не сразу. Надо понаблюдать за искажением. Может, оно пульсирует с какой-то периодичностью? Пока спокойно – оббегу центр. – Астрахан повернулся к Доценту: – Ждите меня возле поваленного забора. Если за два часа не вернусь, уходите.

Выйдя за территорию детсада, все уселись на поваленный забор – единственное сухое место. Данила прислушался к ощущениям: искажение продолжало сужаться и слабеть. Минут через десять чувство опасности угасло. Снова появилось оно через пятнадцать минут и длилось с полчаса, после чего опять десять минут было спокойно. Перед следующим затишьем Данила сказал:

– Я пошел.

– Удачи! – проговорил Прянин, но Данила уже бежал.

Навстречу неслись дома – одинаковые тени, Астрахан на них не отвлекался.

Длинная туша школы, расколотая трещиной, на площадке – труп. Интересно, насколько свежий? Неважно...

Здание сельсовета с распахнутой дверью – необитаемо...

Дверь в отделение милиции была бронированной, надежной, окна – зарешеченными. Чем не убежище? Данила притормозил и заметил, что два окна на третьем этаже чище остальных. Неужели? Рванул дверь на себя: открыта! Взбежал по лестнице и заметил протоптанные в пыли дорожки. На всякий случай положил палец на спусковой крючок, толкнул дверь ногой, прижимаясь к стене – никого. Обычный кабинет с почерневшим столом, несколько папок в шкафу, продавленная кровать со смятым пледом и все стены, – в картах. Причем рисунки нанесены прямо на стены цветными карандашами.

Внимание Данилы привлек ежедневник в углу стола, рядом с держателем для карандашей. Он открыл ежедневник наугад:

«15. 01. Ходил в Сергиев Посад, предупредили, что “Терб” проводит рейд. Натолкнулся на забавное искажение реальности...»

Дневник? Данила перелистнул страницу: так и есть. Сунув ежедневник под мышку, он бросился бежать. Сколько осталось времени, пока включится искажение? Пять, десять минут? И что будет тогда? На растения оно не действует, значит, психическое. Что оно делает с людьми? Сводит с ума? Вызывает инфаркт? Разрывает сосуды? Останавливает сердце?

Сердце выпрыгивало из груди, дыхания не хватало, но Данила еще наддал, потому что искажение уже ожило и постепенно ширилась. Он представил его снежной лавиной, которая катится следом, сметая дома, фонарные столбы, засохшие деревья.

Быстрее! Еще быстрее! Знакомая улица, поворот. Снова поворот. Последний рывок. Все, неопасно. Доцент встает, тянется навстречу. Упасть лицом в болото... Нет, пока нельзя. Сначала – замедлиться и перейти на шаг.

Кровь колотилась в висках, в глазах темнело, дыхания не хватало. Сунув Прянину дневник Картографа, Данила сел на бетонную плиту забора и закрыл глаза.

Когда он отдышался, Доцент осторожно тронул его за плечо и радостно сказал:

– Послушай меня, пожалуйста! Это дневник Картографа, и тут написано – заметь, с орфографическими ошибками, – что из-за соседства леших он вынужден перебраться дальше на восток, в Калинкино, и даже маршрут примерный имеется!

Данила отобрал у него дневник, прочитал запись и улыбнулся:

– Калинкино недалеко. Если поспешим, может, до темноты успеем.

В пути у Данилы было время подумать. Пульсирующее искажение, оказывается – сувенир, который Картограф использовал для отпугивания следопытов. Оно не действовало на леших, которые, по словам самого Картографа, «твари чуждые и кровожадные, явились, скорее всего, из Глуби», и потому ему пришлось переместиться в Калинкино.

Но все оказалось не так просто: деревню искажения окружали со всех сторон, лишь на севере оставалась лазейка, куда можно было проникнуть без потерь. Голова кружилась от голода, в животе урчало. Еды бы сейчас человеческой!

Колонна остановилась – Маугли заосторожничал. Данила не чуял опасности и вышел вперед: метрах в пяти на дороге валялся труп дряхлого старика. Рядом чернел автомат.

– Призрак? Приманивает, чтоб нами отужинать? – спросил Прянин из-за спины и сам же ответил: – Не похоже. На тлен похоже больше, но это стабильное искажение. Здесь место само по себе нестабильное и всякое возможно. А посмотрите-ка, там дальше еще погибшие.

Данила шагнул вперед, постоял, стараясь подавить природный страх смерти, и направился к трупам. Их было пятеро.

Опасности нет, есть смерть, просто смерть, которую он видел и раньше. Смерть и Сектор идут рука об руку, как брат и сестра. Сектор сеет, Смерть собирает урожай. Но никогда раньше она не обрела такого ужасного обличья.

На вид погибшему было лет сто: седые спутанные волосы, ввалившиеся белесые глаза, раззявленный рот с гнилыми зубами. Мужчина скорчился на земле и, видимо, некоторое время был в сознании: смотрел, как кожа стареет и покрывается морщинами, как артрит скручивает пальцы. Смотрел – и кричал, не в силах ничего изменить...

Данила сел на корточки рядом с трупом, поднял АК – исправный, как раз то что нужно, оттащил его вместе с рюкзаком Прянину и велел:

– Проверьте, что здесь.

Сам вернулся к покойнику, вытащил из его нагрудного кармана паспорт. Еще там обнаружилась свернутая вчетверо лицензия на отстрел хамелеонов и пропуск. Значит, товарищ этот, тридцатипятилетний Максим, был членом клана «Герб». А остальные?

Обыскав все пять трупов, он обнаружил аналогичные удостоверения, а в придачу паспорта. Самому молодому было девятнадцать, и умер он не от тлена – застрелился из ТТ, сообщив, что стал дряхлым стариком. Никто не забрал оружие и паспорта, значит, погибла вся группа.

– Они все из «Герба», – заключил Данила. – Странно, что забрались так далеко и в таком составе. Обычно они в приграничье шастают.

Часто озираясь, Прянин и Маугли потрошили рюкзаки. Еда, снаряга, патроны, а вот «цапек» не обнаружилось. Значит, группа шла на восток с определенной целью. Зачем?

Полезное рассортировали по рюкзакам. Запихивая консервы, Прянин с тоской уставился на тушенку:

– Друзья, а давайте пообедаем? У меня сил совсем не осталось, честное слово! Вот только отойдем от трупов, мы ж не стервятники. Право слово!

Данила молча нацепил рюкзак и зашагал вперед. Патроны и невостребованное огнестрельное оружие – два пистолета ТТ – сложили в рюкзак Прянина. Автомат и еще один ТТ Данила забрал себе, Доценту достался «вепрь». Впрочем, в том, что Прянин сможет воспользоваться ружьем, Данила сомневался.

Палатку и спальники тащить было некому, и их решили бросить.

– Назад! – вскрикнул Маугли, и Данилу будто молнией поразило: смерть!

Забыв о тяжеленном рюкзаке, он шарахнулся в сторону; едва не сбив Прянина, упал на четвереньки. Предчувствие беды перестало быть острым. Астрахан уставился вперед, где сквозь туман просвечивало искажение: танцевали синие и желтые искры, вспыхивали, угасали, метались кометами. За ними тянулись золотистые сполохи, в тумане вокруг каждой искры возникал радужный ореол, и впереди мерцал всеми цветами радуги гигантский кокон.

– Огневка, – прошептал Прянин, наступая на Данилу. – Факелами вспыхнули бы, если б замешкались.

Справившись с сердцебиением, Данила поднялся и зашагал вдоль искажения за Маугли, на которого произошедшее не произвело впечатления.

Дальше на север двигались осторожно, Прянина Данила пустил перед собой – тот вздрагивал от каждого звука и замирал, поджав ногу, как огромная цапля. Когда в животе громко заурчало, Данила кивнул на двухэтажный, относительно целый барак:

– По-моему, пришло время обеда.

Расположились в первой же комнате. Пока Прянин организовывал стол, а Данила проводил ревизию оружия, Маугли свернулся калачиком и уснул. Во сне он подергивался и скулил. Когда его разбудили, к еде не притронулся и снова уснул.

Поев, Данила сказал:

– Все, по коням! Собираем вещи, а то так и до ночи не доберемся.

Прянин пощекотал босую стопу Маугли:

– Вставай, малыш!

Мальчишка попытался его лягнуть, заворчал и перевернулся на другой бок. Данила крикнул:

– Маугли! Подъем!

Проводник вскочил, схватившись за копьё, заморгал, но очень быстро понял, в чем дело.

– Я поспать. Устал, – пожал плечами он.

– Ничего, – успокоил его Прянин. – Нам недолго осталось.

Вскоре шедший впереди Маугли вскинул руку, велел колонне остановиться. Данила сначала думал – искажение, но увидел впереди облепленное вырвиглотками тело. Сероводородом почти не воняло – значит, тварей было немного.

Астрахан подумал, что от большой стаи они бы не отбились, разве что укрылись бы в фургончике, проглядывающем в тумане.

Патроны можно было не экономить, и Данила дал по тварям очередь. Те с гуканьем приснули в стороны.

От лица бедняги ничего не осталось – кровавое месиво, провалы глаз и кости черепа. Руки и ноги тоже обглодали, куртку на животе прогрызли и приступили ко внутренностям. Данила нащупал нагрудный карман погибшего, но ни паспорта, ни лицензии там не оказалось. Значит, погиб он не от вырвиглоток и был не один. Нет лицензии, значит, парень из вольных. Хотя не факт, лицензия могла быть в паспорте. А вот гильзы говорят о том, что тут была перестрелка. Враги засели в фургоне, вон, стекла выбиты...

– Что там? – спросил Прянин.

Данила не ответил и зашагал к вагончику, держа автомат наизготовку. Из выбитого окна с гуканьем вырвались три вырвиглотки и сгнули в тумане. Распахнув дверь, он шагнул внутрь: две кровати, повсюду гильзы, капли крови на полу, куски бинта, пустой пузырек из-под перекиси и больше ничего интересного.

А вот на улице за вагончиком обнаружился еще один обглоданный труп. И опять в нагрудном кармане не было ни лицензии, ни паспорта. Это что же, «Воля» столкнулась с «Гербом»? Во втором поясе, куда члены последнего предпочитают не соваться и где объявлено негласное перемирие? Или кланы что-то не поделили?

Если вспомнить погибший в тлене отряд, то можно предположить: что-то конкретное влекло следопытов на восток, туда, куда обычно не ходят. Что же?

Нехорошее предчувствие заставило оглядеться, хотя опасности не было.

Когда Данила вышел из вагончика, Прянин шептался с Маугли.

– Здесь была перестрелка, сцепились «Воля» и «Герб», – сказал Астрахан. – И мне это не нравится – обычно тут никого.

Он сверился с картой, которая была нарисована на последних страницах дневника Картографа. Если верить ей, почерневшие от времени срубы с прогнившими крышами – не что иное, как деревня Пашино, и вымерла она, скорее всего, еще до появления Сектора.

А вот от Пашино до Калинкино полтора километра или пятнадцать минут ходу.

– Надо быть настороже, – сказал он. – Прислушивайтесь к звукам, обращайтесь внимание на следы. Что-то подсказывает мне, что у нас и у тех, кто прошел тут днем раньше, одна цель.

На выходе из брошенной деревни стоял знак, где с трудом можно было разобрать: «Пашино». Значит, маршрут верен.

Пощелкивание чупакабр уже не действовало на нервы, а вот едва слышные, тонущие в тумане хлопки Данилу насторожили. Вроде выстрелы, а вроде и нет – далеко, не разобрать. Да еще и деревья колышутся, стонут, и туман тоже искажает звуки...

– Вооружиться, – скомандовал Данила на всякий случай, и с автоматом наизготовку зашагал вперед, по грунтовке, поросшей молодым сосняком.

Астрахан ошибся – до Калинкино добирались около получаса: пришлось огибать искажения, заходить с севера и выжидать. По мере продвижения вперед хлопки усилились, стали слышны автоматные очереди. А потом вдруг все стихло.

Вскоре лес поредел, сменился опушкой, и Данила едва не споткнулся о распростертый труп. Ощупал его карманы: паспорт, лицензия. Автомат забрал себе – пригодится. За малинником маячила почерневшая крыша. Вот и Калинкино. Данила махнул вперед.

– Я – посмотреть, меня не увидят, – шепнул Маугли.

– Стоять! – приказал Данила. – Всем стоять здесь и ждать сигнала. Я пошел на разведку.

Необученный Прянин даже не стал уточнять, что за сигнал.

На улице между домами валялся еще один труп – тоже молодой мужчина в камуфляже и бандане, с лицензией в кармане. И третий с лицензией. Значит, тут, недалеко от места, где обосновался Картограф, потерпел поражение отряд «Герба». Кто же их уложил: сам Картограф или идеологические противники, то есть «Воля»?

Данила обследовал деревню. Она была в таком же состоянии, как и Пашино: сгнили все дома, кроме трех. Первый дом был на краю села, второй и третий стояли напротив. К тому, что слева, вела тропинка. Значит, Картограф там. Ну, или был там.

Даниле пришлось оббегать сруб, пригибаясь в крапиве, хлещущей по лицу. На тропинке виднелись отпечатки подошв – ребристых, плоских, с треугольниками. Уж точно они принадлежали не одному человеку, а целому отряду.

Тихонько вперед по тропинке, мимо трупа с развороченной головой...

Так, тихо! Что это – голоса? Точно, голоса. Двое мужчин. Или трое? Хрен их разберет.

Говорили тихим интеллигентными голосами:

– Давай наших дождемся, как я раненый через лес? Сожрут ведь.

В ответ пробасили:

– Если сутки никого не будет, я сгоняю за подмогой.

– И погибнешь. Из тебя проводник никакой, а вокруг видишь, какая жесьть.

– Тогда подождем, пока заживет. Продуктов тут валом, запасаю, старый черт.

Интеллигентный (Данила представил второго Прянина) что-то ответил шепотом – слов не разобрать, и воцарилась тишина.

Итак, их двое, и они напуганы. Картографа нет. Сбежал или его таки перехватили? Нужно попытаться наладить контакт с неизвестными и разузнать, что к чему, а для этого желательно бы выяснить, из какой они группировки, чтобы разработать линию поведения...

Додумать он не успел – что-то зашуршало на улице, в доме загромыhalo, прямо над головой Данилы распахнулись ставни – он пригнулся – и высунулось дуло автомата.

– Что? – спросил интеллигентный.

– А хэзэ, – ответил стрелок и, медленно убрав ствол, высунул голову. Это был светловолосый молодой мужчина лет тридцати с правильными, тонкими чертами лица и ярко-ореховыми глазами. Бойца в нем выдавал неоднократно сломанный нос.

Мужчина внимательно оглядел окрестности. Данила на всякий случай прицелился в его голову, и правильно сделал: незнакомец встретился с ним взглядом, вскинул бровь и приоткрыл рот, но тут же сжал челюсти. Данила видел, как дрогнул палец на спусковом крючке, и, решив рискнуть, опустил автомат:

– Спокойно, я не враг.

Парень прищурился – он не спешил доверять первому встречному. Данила сказал:

– Посуди сам, я мог убить тебя много раз. Мне нужен Картограф. Где он?

– Кто там? – спросил блондина интеллигентный товарищ.

– Мужик какой-то, – ответил желтоглазый. – Картографа требует.

Из дома донесся смешок:

– Нашел же время!

– Пристрелить его?

– Зачем? – в проеме окна появился напарник желтоглазого – также парень лет тридцати, коротко стриженный брюнет с черными глазами. Его левая рука была на перевязи. – Дюк, скажи спасибо, что не пристрелили тебя, когда могли. Он не в курсе, что происходит, иначе не задавал бы глупых вопросов. И вообще, мне кажется, что нам надо поговорить.

Дюк глянул через плечо и опустил ствол. Черноглазый что-то ему зашептал – недовольство сошло с лица блондина и сменилось заинтересованностью. Данила подумал, что на этом надо сыграть, правда, пока непонятно, как. Перейти в наступление, что ли?

– Вы кто такие? – с вызовом спросил он. – Что тут стряслось и куда вы, черт побери, дели Картографа?

Ответил черноглазый:

– Сначала сам представься. Картограф срочно понадобился Мародеру, а мы пытались его отбить, да не успели. Тут просто окопался отряд, который прикрывал отступление вольных.

Значит, это бойцы «Герба». Уже лучше: «Герб» негласно «ходит» под МАС, и может сыграть удостоверение, любезно выданное папаней.

– Капитан Данила Астрахан, – представился он, почти не солгав.

Черноглазый свел брови у переносицы и обратился к приятелю, исчезнувшему в доме:

– Слышал? А ты – стрелять, стрелять. МАС, значит? Неужели ваши не в курсе, что тут творится?

– Мелковаты вы, чтоб с меня спрашивать, – решил блефовать Данила. – Откуда мне было знать, кто вы, вдруг вольники? Теперь все ясно.

В принципе, ситуация не безвыходная. Картографа, получается, похитили вольные? Если так – можно попытаться его отбить с помощью тех же гербовцев. А если последние откажутся... Разберемся, решил Данила. Пока основная задача – втереться в доверие к гербовцам.

– Видишь, сколько людей полегло, – миролюбиво ответил Дюк и представил товарища, похлопав его по плечу: – Кстати, это Микки. А ты в дом заходи, тут и поговорим.

– Я не один. Со мной проводник из местных и ученый.

Новость обрадовала Микки, его глаза заблестели. Данила предположил, что он сам попросит, чтобы его сопровождали в штаб «Герба», а если не в штаб, то в место, где дислоцируется командование.

– Проводник странный, – продолжил Данила, наблюдая за реакцией новых знакомых, – но очень толковый. Лучший из всех, кого я знал. Так что отнеситесь с пониманием.

Микки просиял:

– Да тут кошмар что творилось – мясорубка настоящая! Слушай, проводишь к нашим? Тут недалеко. И можешь рассчитывать на любую помощь. По рукам?

Данила пожал протянутую руку с тонкой кистью и изящными пальцами и решил, что пока все складывается неплохо. Пора звать остальных членов команды.

Глава 4

Не доходя где-то километр до лагеря гербовцев, Микки и Дюк посерьезнели и велели вести себя тихо и сдать оружие. Что-то, а вести себя тихо Данила не собирался, хотя буяннить тоже не был намерен. Он решил держаться нагло и качать несуществующие права. Блефовать, одним словом.

К сожалению, предупредить о своих намерениях Прянина Данила не успел, а теперь случай вряд ли представится, и оставалось положиться на понятливость Доцента. Маугли при виде лагеря скис и даже стал похож на обычного пацана. Пятнистые руки сунул в карманы и начал жаться к Прянину.

М-да... А ведь если гербовцы против Сектора, мальчишку могут и шлепнуть. Так, для профилактики заражения. Убил же Андроний Ромку Чуба, а фанатики все одинаковы.

– Стой-ка! – Данила стянул куртку и протянул мальчишке. – Надень.

Маугли накинул куртку на плечи под недоуменными взглядами гербовцев. Микии следил за манипуляциями с легкой ироничной улыбкой, а Дюк делал вид, что его ничто не касается, но на всякий случай Данила пояснил:

– Пацан у меня мерзлявый.

Рукава куртки были Маугли длинны. Доцент помог их подвернуть, после чего Маугли стал похож на беспризорника военных времен: в драной и порезанной камуфляжной куртке не по размеру, со спутанными волосами – красавец! Зато пятен на коже не видно.

Перед лагерем лес вырубил и организовали полосу отчуждения – с выжженной и перекопанной землей, чтобы со стены простреливалась. Лагерь был окружен высоким крепким частоколом, а по углам стояли дозорные вышки. И, судя по всему, часовые на них не дремали.

Впереди шел Микки, за ним, будто под конвоем, – Прянин с Маугли за руку, следом – Данила, а замыкал колонну Дюк. Ворота в лагерь были открыты, но шлагбаум опущен, и двое бойцов охраняли въезд. Отсюда, с полосы отчуждения, внутри периметра просматривались ровные ряды палаток – больших, армейских. Да и вообще во всем обустройстве чувствовалась железная дисциплина, крепкая хозяйская рука, профессионализм и, куда же без этого, – фанатичная преданность идее. Seriously подошли гербовцы к укреплению лагеря, не возьмешь их голыми руками. Да и вооруженным Данила не хотел бы их брать. Лучше использовать на собственное благо...

– Стой! – крикнули от ворот.

Данила остановился, Микки поспешил к своим.

– Пропустят, – успокоил Дюк. – Вы, главное, ведите себя тихо. Нам профессионалы нужны, а ученого и ребенка мы тем более не тронем – не звери же.

– Вижу, – согласился Данила, лишь бы что-нибудь ответить.

Микки помахал от ворот.

Всех, даже Маугли, обыскали, ощупали карманы и одежду. Данила держался с достоинством, но с конвоирами не спорил.

Их отвели в палатку справа от ворот, большую, штабную. Внутри за складным столом сидел дежурный. Он поднялся навстречу гостям, и Данила понял: не армейский, и вообще, наверное, не служил.

Интеллигентный мужик вроде Доцента, только лицо более жесткое и глаза пристальные. Лет сорок, в хорошей физической форме и притворяется военным, но ведет себя как гражданский. Что из этого следует? Из этого следует: «офицер» думает, что разбирается и в структуре МАС, и во всех армейских делах и ни в коем случае при посторонних неосведомленность не покажет. На том и сыграем.

Данила кивнул дежурному и поинтересовался:

– Почему не представляемся, боец?

Тот оторопел, запоздало отдал честь и попытался встать по стойке «смирно». Данила старание оценил: «офицер» наверняка смотрел много фильмов про войну.

– К пустой голове руку не прикладывают! – добил его Астрахан. – При появлении командования – встать по стойке «смирно». Бардак у вас здесь. Фамилия, звание?

– К-кукушкин.

– Что – Кукушкин? Почему обращаемся не по форме?

– Виноват, – мужик выпучил глаза. – Кукушкин, дежурный по гарнизону.

– Гражданский? – изобразил крайнее презрение Данила.

Этого дежурный Кукушкин конечно же пережить не мог. Его же подчиненные следили за командиром с интересом – как тут в грязь лицом ударить?

– Никак нет! Старший лейтенант Тимофей Кукушкин!

«Ты еще добавь: сэр, – про себя усмехнулся Астрахан. – Насмотрелся американских фильмов, позорище».

– Капитан Даниил Астрахан, МАС, – представился наконец-то и он. – И хотел бы я знать, что за бар-рдак у вас в лагере, старший лейтенант? Где командование?

Сопровождающие бочком-бочком выбрались из палатки. Прянин оценил ситуацию и вывел Маугли, оставив «офицеров» наедине.

Тимофей Кукушкин настолько растерялся, что даже не спросил у Данилы удостоверение. «Корочки» у Данилы при себе остались, но тыкать ими поддельному военному в лицо Астрахан считал ниже своего достоинства.

– Командование в основном гарнизоне, – пробормотал Кукушкин. – Вечером приедет господин генерал...

– Товарищ генерал. В армии, боец, господ нет. – Данила прошелся вдоль стола, заложив руки за спину. – Как фамилия генерала?

– Не могу знать. Кличка...

– Клички – у собак, у нас – позывные или оперативные псевдонимы.

– Псевдоним, – послушно отозвался окончательно деморализованный Кукушкин, – генерала – Брут.

Хор-рошее имя, славное в веках, так сказать. Данила сделал задумчивое движение челюстью, будто пережевывая информацию. На самом деле ни про какого «генерала Брута» из группировки «Герб» он раньше не слышал.

– Подождем генерала, – решил Данила. – Значит, так. Со мной, старлей, двое гражданских, по пути прибились. Им всем нужен отдых, еда и душ. Впрочем, мне тоже. Поэтому разрешаю оказать нам гостеприимство в разумных пределах, а поговорим – потом. Когда генерал приедет.

– А что, новости какие-то? – оживился Кукушкин. – Из Москвы?

– Новости от ваших друзей в МАС. В Москве понимают, боец, какая важная миссия на вас возложена.

Тимофей Кукушкин аж просиял и второй раз за четверть часа приложил руку к непокрытой голове, но Данила великодушно сделал вид, что этого не заметил.

* * *

Пока гербовцы оказывали уставшим героям «гостеприимство в разумных пределах», Данила пытался сообразить, что делать дальше. Если с поддельным лейтенантом Кукушкиным наглый блеф прошел на ура, то с главой группировки фокус мог и не сработать. Во-первых,

Данила не знал, кто в МАС покровительствует «Гербу». Во-вторых, в последние годы он был далек от политики Министерства. В-третьих, странная команда могла выдать его с головой.

Вымыть Маугли оказалось совсем непросто. Парень, выросший на водохранилище и чувствующий себя там, как дома, от лохани с горячей водой и куска мыла шуганулся, словно дворовый кот. Пришлось ловить и держать с риском для жизни, пока Прянин пацана намыливал и увещевал. Маугли верещал.

– Не волнуйся, Данила, – посоветовал Прянин, когда они угощались холодным пивом после бани.

Перед выделенной «капитану» палаткой был навес из маскировочной сетки, в тенике стояли складные стулья, стол, а на столе – пиво, котелок с заправленной мясом гречкой и сушеная рыба. Маугли ел. Уже давно. И куда в него лезет? Данила же, убедившись, что их не подслушивают, делился с Пряниным опасениями. Тот советовал:

– Ты, главное, делай вид, что не твоя информация устарела, а генерал не в курсе последних кадровых перестановок. Якобы ты только что из Москвы. Все равно наладить радиосвязь из лагеря с покровителями вряд ли возможно, а значит, указания группировка получает в письменном виде.

– Это ты откуда такое знаешь?

– А думаешь, в научном мире все по-другому? У нас, Данила, плетутся такие интриги – Шекспир отдыхает! Опять же удостоверение при тебе. Что просроченное – не важно, никто на такие мелочи внимания не обращает. И фамилия. Удачное родство в любой ситуации открывает двери, а что твой батюшка на МАС работает, последний хамелеон знает.

Данила закурил. Пиво, что ли, в голову дало? Мир будто немного выпцвел, давило на уши, будто гроза вот-вот начнется. Он посмотрел вверх, но сквозь маскировочную сетку просвечивало безупречно голубое небо.

– Доцент, тебе на уши не давит?

Прянин не ответил, и тогда Данила посмотрел на него.

Доцент валился на бок – плавно, как в замедленном кино. Лицо его было серо, а глаза закатились. Сердечный приступ?

Через тело будто прошел электрический импульс, волосы встали дыбом, и Астрахан понял: Всплеск. По синему небу побежала рябь Московского сияния, воздух задрожал и зазвенел. Данила вскочил и, подхватив Прянина, уложил его на утоптанную землю. Маугли прислушивался и присматривался с интересом – его, как и Данилу теперь, Всплеск не брал.

По всему лагерю люди падали в обмороки, стонали и корчились.

Данила стоял посреди этого и ощущал Всплеск как дыхание Глуби. Так в горах чувствуешь запах далекого штормового моря – ясный, тревожный.

Сектор показывал свою власть над людьми. Сектор накрывал свою территорию частой сетью. Сектор жил.

Данила проверил, дышит ли Доцент. Маугли прикрыл глаза, прислушиваясь к Сектору, и пробормотал, почти не разжимая губ:

– Сердце изменилось.

* * *

После Всплеска долго очухивались. Прянин пил сердечные капли, Данила делал вид, что валялся вместе со всеми и ничего не помнит. Про изменения в Глуби он решил сказать Прянину позже. Зато было время все обдумать в спокойной обстановке. Надо встретиться с генералом, посмотреть, что за человек, и, если не удастся убедить его напасть на вольных, действовать самому.

Тимофей Кукушкин выглядел обеспокоенным: Всплеск отключал всю электронику, и неизвестно было, нормально ли едет в лагерь генерал Брут.

Гарнизон группировки «Герб» вмещал в себя сотни две-три бойцов: за ровными рядами палаток работали полевые кухни, подметал вытопанную землю рядовой в застиранной камуфляжной форме, под навесами дремала техника – грузовики и даже один БТР, надежно охранялся бдительными бойцами склад боеприпасов.

Данила прошелся по гарнизону и понял: поселение задумывалось как временное, однако разбили лагерь уже довольно давно, наверное, в начале весны. Зимовать в таких условиях невозможно, а под постоянную ставку легче переоборудовать заброшенную деревню или воинскую часть.

Логично было предположить, что Брут, или кто там у них самый главный, имел в этих местах какой-то интерес. Уж не Картографа ли отслеживал?

Спросить у Кукушкина напрямую – значило выдать себя с головой. А в дедукции Данила Астрахан никогда не был силен. Пришлось обратиться за помощью к болезному Прянину.

Доцент наморщил бледный, в испарине, лоб:

– Понятия не имею, уж извини. Даже предположить ничего не могу.

Он лежал в палатке, на раскладушке, под простыней, и, кажется, наслаждался плохим самочувствием: никуда идти не надо, хорошо, тенек, насекомые не зажирают, Маугли рядом – молчаливый, прям мальчик-зайчик, а не малолетний абориген с дурным характером.

– Но вряд ли это был Картограф, Данила. Если бы гербовцы знали, где он живет, давно бы его забрали, не доводя до столкновения с людьми Мародера. Логично предположить, что здесь их задержало нечто другое...

До вечера оставалось всего несколько часов, а Данила все еще понятия не имел, что ему делать и как заставить гербовцев отбить у вольных Картографа. И уж тем более – как его потом заполучить. А еще беспокоили слова Маугли про то, что Сердце Сектора изменилось. Туда ушли отец, Шейх и Марина. Не связано ли одно с другим?

Зная способность папочки изгадить любое благое дело, можно быть уверенным: связано.

А значит, чем быстрее Данила найдет отца, тем лучше для всех: и для самого Данилы, и для Марины. И возможно, для всего человечества.

А помочь в этом способен только один человек – Картограф, которого забрали Вольные.

* * *

В лагере «Герба» лихорадочно наводили порядок: мели, драили, чистили, выравнивали, жарили и парили; метался, выпучив глаза, Кукушкин, а Данила слонялся между палаток и старался думать. Наконец он остановился на варианте «там посмотрим», он же – «живы будем – не помрем». Короче, положился на русский «авось».

На закате в лагерь вкатил тюнингованный «Жигуль» (такому Всплеск не страшен, нет в нем электроники, нечему ломаться) с командиром Брутом на борту.

Данила присутствовал при встрече: стоял рядом с потеющим Кукушкиным в окружении гербовцев. Прянину и Маугли он на всякий случай велел, если начнется шумиха, уходить из лагеря. Мальчишку, порождение Сектора, командиру «Герба» показывать точно не стоило.

Брут оказался высоким, немного полным, широкоплечим пятидесятилетним мужиком со сложением бывшего борца. Только вот лицо подкачалось: умное, с выдающимся вперед подбородком и горбатым тонким носом. Темные глаза пристально смотрели из-под мохнатых бровей.

Командир тут же заметил нового человека, но ничего не сказал и прошел в палатку дежурного. Кукушкин – следом, Данила – за ним. Тимофей зыркнул, но возразить не решился. Брут уселся в складное кресло, взял со стола заготовленную кружку кваса:

– Докладывай, Тим.

– За время вашего отсутствия никаких чрезвычайных происшествий не было! – отрапортовал Кукушкин и снова зыркнул на Данилу.

Дальше тянуть было нельзя.

– Разрешите обратиться, товарищ генерал!

– Да какой я генерал, – махнул рукой Брут, – никогда не служил. Обращайтесь.

– Даниил Астрахан, – он вспомнил совет Прянина насчет нужного родства, – капитан МАС. Руководитель диверсионной группы.

Лицо Брута стало холодным.

– В чем дело, капитан? Что вы здесь забыли? С каких пор МАС лезет в наши дела? Я думал, мы достигли договоренности.

Ого. Даже ого-го! Данила думал, что МАС контролирует гербовцев, однако ошибся. Реакция восторженного Кукушкина на «корочки» – просто влюбленность в армию отдельно взятого человека. Нужно было срочно переигрывать.

– Понимаете, командир Брут, – Данила вытащил удостоверение, – я ушел из МАС несколько лет назад.

– Просроченное, – согласился Брут, повертев «корочку» в руках. – И что из этого следует?

– Что я не согласен с политикой Министерства относительно Сектора.

– Вот как? И при чем здесь я и мои люди?

– Вы – единственные, кто пытается противостоять Сектору. Остальные наживаются на нем, не представляя, сколько зла приносит тот же биотин. – Данила вспомнил Ромку Чуба и заговорил искренне: – Не представляя, что использование биотина ведет к мутациям. Сам видел – на вид человек, а вообще – хамелеон.

Брови Брута поползли вверх. Он бросил Кукушкину:

– Тим, оставь нас.

Кукушкин вздохнул: самое интересное расскажут без него – и вышел.

– Продолжайте, Даниил... Тарасович? Сын?

– Сын, – согласился Данила. – Отец сгинул в Глуби. Вместе с моей девушкой. Они проводили исследования Сектора, чтобы остановить его.

Брут проглотил смесь дезинформации с правдой и даже не поморщился. Похоже, сведения о людях-хамелеонах его проняли. Данилу они самого пугали, а уж вкупе с тем, что папаня проник в Глубь, после чего она изменилось, – и подавно. Однако открывать все карты перед Брутом он не собирался.

– Так. – Брут поднялся и прошелся по палатке. – Резюмирую: ко мне приходит бывший военный, сын ведущего исследователя Сектора, и заявляет, что не согласен с политикой Министерства. Однако ваше удостоверение просрочено уже два года как. Где же вы были раньше, Даниил Тарасович?

– Я думал, что смогу справиться с заразой в одиночку. Сотрудничал с проводниками, ловил хамелеонов и неофициально помогал отцу в исследованиях. Когда мы поняли, что употребление биотина вызывает изменения в организме, мы пытались дать этой информации ход. И вот результат: папа пропал, а я пришел к вам.

Единственный фанатик, который когда-либо был симпатичен Даниле, – покойный Фидель. Чудак, пытавшийся спасти мир при помощи биотина. И то сказать, симпатичен ему Фидель был в основном по одной причине: спас Данилу от тюрьмы или даже высшей меры, когда тот убил генерала МАС Ротмистрова.

Но Брут тоже вполне себе ничего. По крайней мере, у него остались мозги...

А Брут склонил голову к плечу и окинул Астрахана долгим взглядом.

– Вы пришли один?

– Нет. Со мной проводник... мальчишка из местных. Немного странный, но смысловой. Еще ученый-этнограф, доцент Прянин. Умный мужик. Еще был Валик, но его зарезали мутанты, лешие. Валик был из людей Андрония, знаете такого?

– Его все знают, – поморщился Брут, – сектанта этого. Не за вами ли он, кстати, гонится?

– То есть? – опешил Данила.

– Сегодня утром, когда я собирался сюда, мне донесли, что Андроний собрал своих сектантов и отправился в Крестовый поход в сторону Талдома. По вашу душу?

– По мою, – вздохнул Данила. Только этого ему не хватало – отца Андрония на хвосте. – Понимаете, он пытался нас с отцом задержать. И когда мы прорывались из плена, мы немного...

– Можете не объяснять. Я, хоть и не служил, представляю, как командиры диверсионных отрядов прорываются из плена.

В палатке стало прямо-таки благостно – собеседники друг другом довольны, понимание достигнуто, комплименты прозвучали, осталась, по мнению Данилы, мелочь – чтобы Брут помог добыть Картографа.

– Значит, вы решили бороться с Сектором вместе с нами?

– Да. И для этого мне нужен один человек – Картограф.

Благостность улетучилась. Лицо Брута снова стало жестким и холодным.

– В «Гербе» нет понятия «мне нужен». Если вы что-то знаете, делитесь информацией. Сами понимаете, Данила, мы – не шайка Андрония. Отсюда вы не уйдете. Я не буду держать вас в плену, а просто прикажу расстрелять. Сразу. Надеюсь, вы – не хамелеон?

– Да вроде – нет, – Данила хотел бы, чтобы это было шуткой. – Хорошо, поделюсь. Картограф сейчас, как я понимаю, у вольных? У людей Мародера? Вы представляете, зачем он им нужен?

– Понятия не имею. Когда мы поняли, что Мародер охотится на Картографа, то попытались его перехватить, но не успели. Предположить могу, но сперва выслушаю вашу версию.

– Легенды про то, что Картограф ходит тайными тропами, знают все. Так вот, это правда. И теперь у людей Мародера есть проводник, который выведет их к вашему лагерю хоть с тылу, хоть с боку, хоть вот прям здесь выйдут, из ниоткуда. Звучит как мистика, однако, факт.

– Тут я с вами в целом согласен.

– Вам Картограф нужен, чтобы иметь преимущество перед вольными, мне – чтобы проникнуть в Глубь, – улыбнулся Данила.

И Брут снова с ним согласился.

Следующие полчаса Данила отчитывался о хамелеонах перед группой исследователей, потом догадался призвать на помощь Прянина. Доцент разливался соловьем, он быстро нашел с учеными общий язык, и даже Брут не выдержал – сдал без боя палатку дежурного, прихватил с собой Данилу и отправился гулять по лагерю.

У навесов сутились гербовцы. Данила обратил на это внимание: грузовики сдвигали, освобождая место.

– Завтра вечером прибудет смена, – пояснил Брут, заметив интерес Данилы, – мы держим тут людей по месяцу, редко кого – дольше. Прибудут новые, отдохнувшие, а те, что сейчас в лагере, отправятся на основную базу.

Данила шагнул рядом с командиром клана, заложив руки за спину. Оба молчали. Бруту, видимо, лучше думалось на ходу.

А было бы хорошо остаться здесь. Сектор – зараза, которую следует остановить. Конечно, клан Брута вынужден сотрудничать с МАС, но Брут – не дурак и не продажная тварь. Значит, дело можно будет делать, пусть и негласно. Прянин с другими учеными придумают, как отличить хамелеонов от людей, Данила будет тренировать отряды, и вместе они еще какое-то время смогут оберегать Москву и остальной мир от порождений Сектора.

Но Астрахан-старший в Глуби небось не прохлаждается... Или не в Глуби – в том месте, куда переместил его, Марину и Шейха смерч. А ведь как он туда рвался! Папаша ведь наверняка рассчитывает взять Сектор под контроль, и ему нужно помешать.

Им нужно в Сердце, пока изменения не зашли слишком далеко. А значит, придется стравить клан гербовцев с кланом Мародера, забыв о симпатиях и антипатиях. Раз так – работаем, боец Астрахан! Планируем диверсию и претворяем план в жизнь. Что ты умеешь хорошо – тем и займись.

– Я не хочу идти на открытое столкновение с Мародером, – вдруг сказал Брут. – Понимаете, Данила, не Картограф ему здесь был нужен первоначально. Мародер в этих краях окопался еще в начале весны, здесь ничья территория, поэтому официально повода для протеста нет. А у нас сейчас худой мир. Люди не гибнут – и хорошо, все-таки война с вольными – не первая и не главная моя цель. Да и не цель. Мародер тут что-то нашел. Мы пытались разведать, что именно, – тщетно. Понятно, что искажение, но какое, почему держится за него, постоянный лагерь с весны строит – неизвестно. А Картографа, думаю, он взял просто так. Может, чтобы обезопаситься от нас, может, чтобы облегчить передвижение по Сектору...

– А вы хотели бы узнать, что там, в лагере Мародера?

Брут остановился и внимательно посмотрел на спутника.

– Конечно, хотел бы.

– Я же все-таки профессионал. И могу не только убивать. Я проникну на территорию противника и узнаю интересующую вас информацию. Считайте это вступительным взносом в клан.

– И как вы туда проникнете?

– Элементарно. Приду и попрошусь на работу. Посмотрите на меня – у меня рожа наемника. Мне поверят. Главное – проникнуть на территорию, а уж что там происходит, я узнаю в течение нескольких часов. Только, Брут, у меня к вам будет две просьбы. Нет, даже три.

– Какие же?

– Первая – если я погибну, позаботьтесь о Прянине и Маугли. Мальчишка, конечно, в Секторе не пропадет, но с вами у него есть шанс вырасти человеком, а не диким зверем. Вторая: если меня задержат, вы меня вытащите?

– Ради одного развязывать войну? Первую просьбу удовлетворю, а вот насчет второй ничего обещать не могу. Третья?

– У вас тут очень вкусное пиво, – честно признался Данила. – И я бы не отказался от бутылочки.

Брут сдержанно улыбнулся и хлопнул его по плечу:

– А вот это – запросто.

Глава 5

Разница между лагерем «Герба» и стоянкой вольных была заметна невооруженным глазом. Если гербовцы заботились о безопасности периметра и нормах элементарной гигиены (читай: рыли выгребные ямы и обустраивали сортиры), а также стремились к некоей сугубо армейской унификации как палаток, так и формы одежды, то тут...

«Бардак как он есть, – подумал Данила брезгливо. – Не лагерь, а коммуна хиппи». Палатки – от советских еще брезентовых до легких туристических, модных кислотных оттенков вроде оранжевого, сиреневого и ядовито-зеленого. Ограды вокруг палаток, считай, нет. Ну не принимать же всерьез эти бечевочки, веревочки и проволоочки, имитирующие растяжки и ловушки? Да их трехлетний ребенок преодолеет!

Караулы... С караулами вообще тоска. Стоят, красавцы. С винтовками. Где они только такую рухлядь откопали? Трехлинейки Мосина, самые натуральные. Не иначе, черные археологи подогнали. Спрашивается, зачем часовому трехлинейка? Ответ: она же длинная! И опершись на нее, как дворник на метлу, можно подремать.

А сами часовые! Когда Данила еще служил в армии, их, спецуру, рядовые «сапоги» тихо ненавидели, а офицеры активно привлекали для проверки бдительности. Вот так заступит солдат-срочник в наряд, только-только закемарит, и на те, здрасьте: армейская разведка пожаловала. Просыпаешься – на голове мешок, и куда тащат, непонятно. И спецназовцам практика, и бойцам наука. На то и спецназ, чтобы караул не спал.

Этих же, дремлющих или попыхивающих травкой, и часовыми называть грешно. Сборище балбесов. Кое-как вооруженных, кое-как одетых, непонятно чему обученных детей, выбравшихся на природу поиграть в войнушку. Причем детей всех возрастов, от шестнадцати до шестидесяти, потому что мужчины не взрослеют, они только дряхлеют...

– Псст! – привлек внимание «часового» Данила. – Ты только не пали, хорошо?

Астрахан поднял руки и медленно поднялся с земли. Пробираться ползком мимо таких болванов было унижительно.

– Я пришел с миром, – сказал он, и тут ему в спину ткнулся ствол.

– Да уж видно, что не на войну, – прошептали прямо в ухо.

«Опаньки! Как же я его не заметил?» – удивился Данила, скосив взгляд назад.

Здоровенный детина, маскхалат, поверх него – «леший», на голове – бейсболка козырьком назад, в руках «Хеклер-Кох СОКОМ» – серьезный армейский пистолет для настоящих профи, сорок пятый калибр, да еще и с глушителем.

Вот тебе и коммуна хиппи. Вот тебе и разгильдяи с «мосинками». Дешевый камуфляж для лохов, а капитан Астрахан купился, как маленький.

– Хорошо полз, – заметил детина. – Военный? МАС?

– Уже ни то ни другое.

Детина хмыкнул:

– Эта ситуация нам знакома... – и он быстро обыскал Данилу, отобрав нож и пистолет. – Чего приполз-то, отставник?

– Дело есть. К вашему самому главному.

– Это к кому?

– К Мародеру, – сказал Данила.

– Ну, пойдем тогда к Мародеру, – легко согласился детина. – Ступай вперед. Руки сунь в карманы, и поглубже. Будешь дурить – получишь пулю в жопу. Понял?

– Понял, не дурак.

– Шагай давай!

По мере того как Данила с конвоиром углублялись в лагерь вольных, картина полного расслабона и разгильдяйства, нарисованная Астраханом в его воображении, претерпевала некоторые изменения. Да, балбесов тут хватало. И дрыхли где ни попадя, и костров палили явно больше, чем нужно, и сладковатый запах дури над лагерем периодически проплывал. Но кроме романтиков Сектора, начинающих следопытов и ловчих, а также просто вчерашних страйкболистов, захотевших настоящих опасностей и приключений на свою пятую точку, в лагере хватало и серьезных профессионалов.

Эти держались особняком. Суровые, немногословные мужчины в потертom камуфляже и стоптанных берцах. Хорошее, качественное снаряжение – не армейский секонд-хенд и китайский ширпотреб, а элитные шмотки от «Блэкхок» и «5.11». Разгрузки, подsumки, фонарики, аптечки – все укомплектовано, подогнано, готово к бою. И оружие. «Грендели» и «беовульфы», магпуловский «массуд», бельгийский «СКАР», несколько «ХК-416», АК-12 и АН-94, и даже экзотический в наших краях «тавор» – вот неполный список того, чем были вооружены вольные. А ко всему этому в довесок – модульные системы, лазерные ЦУ, коллиматоры, компенсаторы отдачи, ночные прицелы, складные сошки, дополнительные рукоятки. Тюнинг, что называется, «с любовью».

Но дело было даже не в оружии и не в снаряжении. И то, и другое можно было купить, украсть, подобрать с трупа. Нет, дело было в самих профи.

Битые жизнью мужики, успевшие и в армии послужить, и в охране поработать, и в частную военную компанию завербоваться... Перед Данилой после увольнения открывались похожие перспективы, и не пойдя он в МАС, тянул бы сейчас лямку в какой-нибудь заморской конторе в южной стране, сопровождая конвой и обучая негров премудростям партизанской войны. Как говорится, чем униформа наемника отличается от униформы солдата? У солдата флаг к рукаву пришит, а у наемника на «липучке» держится... Вот и эти вольные, видать, успели побывать на «югах», вернувшись оттуда с тусклым и равнодушным взглядом хладнокровного убийцы.

А такой взгляд за деньги не купишь...

– Стой! – приказал конвоир, когда они подошли к большой, очевидно – штабной палатке. – Жди здесь.

Данила послушно остановился и стал ждать. Пока все шло по его плану. Конвоир нырнул в палатку и почти тут же вышел обратно и жестом позвал за собой:

– Проходи.

Данила пригнулся и ступил внутрь.

Пресловутый Мародер сидел на патронном ящике лицом к выходу и выпивал с длинно-волосым напарником. Тонкий в кости, узкое хищное лицо, цепкие, глубоко посаженные глаза и двухдневная щетина – Данила представлял Мародера иначе. Событьелник главара повернулся к выходу. Это был седовласый мужчина лет пятидесяти с глубокими морщинами на впа-лых, заросших щетиной щеках. Над Мародером коршунами нависли телохранители и навели на Данилу стволы обрезов, да и сам главарь подобрался, кажется, за оружием потянулся – отсюда не понять, сразу видно – любят Мародера в Секторе, желают ему богатства и долгих лет жизни...

Мародер смерил Данилу оценивающим взглядом с головы до ног, седовласый вскинул бровь.

– Ну, – сказал Мародер, опрокинув стопку, закусив огурцом и промокнув рот салфеткой. – Рассказывай, кто такой, зачем пришел?

– Я из лагеря «Герба», – сказал Астрахан. – Зовут Данила. Бывший МАСовец, бывший гербовец. Хочу примкнуть к вольным.

– Вот как? – прищурился Мародер. – А с какого это перепугу?

– Да задобало меня все, – сказал Данила, и его, что называется, понесло: – Еще в армии задолбало. Строем ходи, хором кричи. Забор красим в белый цвет, траву красим в зеленый. Без команды и не пернешь. Субординация, вся эта херня, долг перед Родиной... Я у Родины ничего в долг не брал. Я свободу люблю. И Сектор люблю. Сектор – это свобода. Ма-аленький такой кусочек настоящего мира среди тупого вранья. Здесь каждый может стать тем, кем хочет. Я и в МАС пошел только ради того, чтобы в Сектор попасть да свалить побыстрее. А «Герб»... они и сюда приперлись со своими правилами, законами, распорядами. Есть, так точно, слушаюсь, будет исполнено, разрешите обратиться. Зомби, блин! И всех такими сделать хотят, роботами послушными. А я волю люблю!

Мародер поиграл желваками, сплюнул себе под ноги и хлебнул водки.

– Складно поешь, – сказал он. – Трогательно. Долго сочинял?

– Да ничего я не сочинял! – обиделся Астрахан. – Я ж сам к вам пришел! Добровольно!

– Ага, пришел... Ты где служил-то? – вдруг спросил Мародер. – А то Саныч говорит – уж очень матеро полз. Спецура?

– Десантура. Потом – дисбат, офицеру морду начистил. А потом в МАС завербовался.

– И чего ж тебе в МАС не сиделось?

– Я ж говорю – свободу люблю...

– Не звезды! – оборвал его Мародер. – Не похож ты на мальчика-романтика. Такие, как ты, всегда свою выгоду ищут. Давай, выкладывай, с чем пришел. И не вздумай мне врать.

– А чего ему врать? – проскрипел седовласый; выпил стопку, крикнул. – По-моему, он – именно то, что нам нужно: военный, а военный бывшим не бывает. Деса-а-ант.

Данила глубоко вздохнул. Вот и пробил «час икс». Либо ему поверят, либо...

Когда-то давно, еще в детстве, Астрахан смотрел по телику старый фильм «Телохранитель». Не тот, который с Кевином Костнером, а совсем старый, японский, какого-то то ли Куро-савы, то ли Мураками, – про самурая, пришедшего в город, где властвовали две бандитские группировки. И этот самый самурай умудрился стравить две банды, да еще и остаться в выигрыше.

Потом еще американцы пересняли тот же сюжет, только про ковбоев.

Ну, попробуем, проканает ли этот трюк в Секторе? Заодно и разведаем, где у них Картограф. Очень уж вовремя в лагерь «Герба» прибывает подкрепление. И будем надеяться, вольные не знают, что это – подкрепление, а не караван с хабаром.

– В общем, так, – сказал Данила. – «Герб» везет сюда большую партию сувениров. У них нарисовался какой-то очень крутой проводник, который их отвел туда, где сувениров валом. Настоящий Клондайк. Соответственно, там можно либо нехило поднять бабла, либо красиво сдохнуть. Они не сдохли. Брут потому в лагерь и приперся – цапки встречать. Экспедиция немаленькая, но и не большая. Чем меньше народу – тем меньше риск вляпаться в искажение.

– Ну?

– Ты же умный мужик, Мародер. Не зря тебя Мародером прозвали, верно? Смысл самим переться в какие-то дебри, когда можно взять егерей на обратном пути – потрепанных, уставших и с добычей. Сегодня вечером.

Мародер недобро ухмыльнулся, глянул на седовласого, тот кивнул и сглотнул.

– А ты-то мне зачем, десантура? – спросил главарь, но, несмотря на заявленное, тон его смягчился, и это Даниле не понравилось. Ну не может все так гладко пройти, тем более с таким тертым калачом, как Мародер. Точно, развести хотят и грохнуть. Но раз уж начал гнуть свою линию – продолжай в том же духе.

– Я знаю, когда они пойдут. И где.

– И что ты хочешь за эту информацию? – спросил Мародер, как показалось, без интереса.

– Долю. Десять процентов с добычи.

– Че так скромно?

– А я не жадный, – сказал Данила и улыбнулся. – Мне главное – к тебе попасть. Ты, говорят, крутые дела проворачиваешь. И на мозги не давишь, как «Герб». Кажется, мы сработаемся...

Мародер опять глотнул водки, дернув острым кадыком, выдохнул и сказал:

– Уж больно ты проворный. Я так дела не делаю. С наскока и с разбега – только лоб себе разобьешь. Когда экспедиция эта прибывает?

– Скоро, – сообщил Данила. – А точное место и время я тебе скажу только после того, как мы ударим по рукам. Идет?

– Надо подумать, – нахмурился Мародер, но по всему было ясно – он уже решил.

– Думай, – согласился Данила. – Только не очень долго. А то весь хабар продумаешь.

– Саныч! – крикнул Мародер, и в палатку вошел тот самый детина в бейсболке и «лешем». – Отведи-ка этого бравого десантника к тому наркоману. Понял меня? Пускай посидит чуток. Охолонет. Уж больно горяч.

– Руки связать? – деловито поинтересовался Саныч.

– Не, – махнул рукой Мародер. – Никуда он не денется.

– А как же... – глаза Саныча полезли на лоб.

Мародер рывкнул:

– Нет! Ты что, идиот, не знаешь, что делать?!

– Ну, пошли, что ли, – сказал Саныч Даниле.

Астрахан мысленно выдохнул (первая часть плана – влить дезу в уши Мародеру – прошла успешно) и вышел из палатки вслед за Санычем. Но почему-то появилось скверное предчувствие. Захотелось вырубить Саныча и валить отсюда. Данила огляделся: здоровенные жлобы, вцепившись в ружья, провожали его сочувствующими взглядами. Стоп! Неужели они его, без минуты врага, жалеют?

Сколько их понабежало-то... Валить точно не получится. Будь что будет. И ведь даже не удалось узнать пока, зачем им так срочно понадобился Картограф и что вообще происходит!

За командирской палаткой полукругом располагались двухместные палатки охранников. Присмотревшись, Данила понял, что анархия осталась на периферии, здесь же – порядок. За кустами малины царило оживление. Данила боковым зрением отметил, что лагерь разбит вокруг приземистого каменного дома, похожего на небольшой ангар, и ангар этот охраняется сильнее, чем палатка лидера клана. Вот где нужно попоколичаться и узнать, что там у них. Данила напрягся и ощутил... человека? Лешего? Нет вроде человека. Его держали в ангаре. Боль, отчаянье, негодование... Неужели Картограф там? Да, скорее всего. Но зачем он вольным? Уж точно не только, чтобы карты рисовать. Он для них важен, и так просто его не взять.

– Шевелись, давай, – буркнул Саныч и легонько толкнул Данилу в спину.

Сейчас Астрахан ругал себя за дурацкий план, потому что шестым чувством ощущал сгущающиеся тучи и опасность. Смертельную опасность. Сектор предупреждал: беги, пока не поздно. То, что тебе уготовано, страшнее смерти. Или просто кажется? Нервишки расшатались после всего, что случилось, да и крови он потерял много – никакое чудо такую кровопотерю не восполнит.

– Куда ты меня ведешь и что за наркоман? – спросил он у Саныча, обернувшись и глянув в упор.

Конвоир потер кончик носа, глаза его забегали.

– В комнату отдыха, – беззубо ощерился он, и Данила понял: ложь, ложь, ложь! И искажение рядом. Смертельно опасное искажение... Стоп! Исканение – в охраняемом здании??? Ой, дурно пахнет в этом лагере (в прямом и переносном смыслах)! Пора отсюда валить...

Только Данила собрался врезать Санычу и бежать в лес, как навстречу вырулила тройца в кожанках и камуфляжных штанах. Тот, что шел посередине, в бандане с кельтским крестом, с массивной челюстью, выхватил пистолет. Данила упал и перекатился назад, сбивая Саныча с

ног и пытаюсь вырвать у него из рук автомат, но движения почему-то получались неуклюжими. Как во сне: бежишь-бежишь, и все на месте. Вскоре тело вообще перестало слушаться, сознание же оставалось ясным.

Данила лежал на спине и смотрел на нависших над ним врагов, на матерящегося Саныча, на квадратнобородого с инъектором в руке. Значит, парализатор. Что они задумали?

Подожел седовласый, оттянул веко, заглядывая в глаза, и зашевелил губами. Его голос доносился будто из тоннеля:

– Отличный экземпляр! Военный, сильный и здоровый. Как раз то, что нам нужно. В изолятор его. Думаю, сегодня – завтра можно приступить.

Краски начали блекнуть, будто кто-то выключил яркость, и мир погрузился во тьму.

Очнулся Данила в темноте. Дернулся, но запястья отозвались болью, как и лодыжки. Наручники, черт! Вскоре он сообразил, что лежит на полу лицом к стене, и перевернулся на другой бок, чтобы осмотреться: темная комната, нет мебели, высокие потолки, под самой крышей – прямоугольное окошко, куда пробивается скудный свет. Значит, уже вечер. Или утро? Проклятье!

Заполучил Картографа, ага. Осталось надеяться, что Мародер нападет на отряд «Герба» и последние придут мстить раньше, чем Данилу прихлопнут.

Взгляд зацепился за кучу тряпья, валяющуюся на соломе в дальнем углу. Да это же человек! И он, похоже, без сознания.

– Эй! – позвал Данила, но пленник не реагировал. – Мужик, ты меня слышишь?

Пленник захихикал и перевернулся на спину, согнув скованные ноги в коленях. В его голосе, в дурашливом смехе, в волосах, спутанных колтунами, было что-то до боли знакомое.

– Момент, это ты, что ли? – Данила прищурился, силясь разглядеть лицо пленника. Или галлюцинации? Пришлось подползать ближе.

Если бы не руки, скованные за спиной, он протер бы глаза: перед ним, улыбаясь и бессмысленно тараща в потолок, лежал Момент и подергивал кадыком, а губы его шевелились.

– Момент, поберей тебя Сектор, это ты?! – заорал ему на ухо Данила. – Ты ведь умер!

Геша дернулся, вытаращив глаза, и забормотал:

– Великий Джа, во вштырило-то, бро! Совсем мне хана, вторые сутки под дурью, лошадиными дозами шарашат. Тебя, вот, нету, а я с тобой говорю. Бро-о-о, а недавно приходил черный, глаза черные, и говорит, хана тебе, Геша Момент. Он и сейчас тут, черный этот...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.